

A photograph of a city street at dusk. The sky is a mix of pink, purple, and blue. In the foreground, there are tram wires and a building with many windows. Some windows are lit up. The title of the book is written in large, black, serif font over the image.

Тайна Пушкинской улицы

Наталья Климова

16+

Наталья Герцен
Тайна Пушкинской улицы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Герцен Н.

Тайна Пушкинской улицы / Н. Герцен — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-99060-9

Неожиданно для себя главный герой узнаёт, что ему отчаянно не хватает счастья. О счастье мечтает и девушка Оксана. Главным героям предстоит встретиться с творцами своего счастья и узнать, что не так всё просто. На пути к счастью главные герои попадают в различные неожиданные ситуации. Цепь случайных событий и людей помогают взглянуть на жизнь под необычным углом зрения. Книга напоминает пузырьки в бокале шампанского - весело и празднично.

ISBN 978-5-532-99060-9

© Герцен Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	41
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наталья Герцен

Тайна Пушкинской улицы

Глава 1

Знакомство

в которой Вадим Ёж становится главным героем

Подходил к концу очередной, ничем не примечательный день.

Оставив позади Спасо-Романовские казармы, машина остановилась у ювелирного магазина.

Поглядев на горящие окна, приветливо зовущие зайти и что-нибудь купить, Вадим ощутил огромное нежелание выбираться из машины.

Внедорожник, за рулем которого расположился мужчина, был отражением своего хозяина: большой, напористый, внушительный и очень убедительный для всех участников движения на дорогах.

– Нет. Не сегодня, – решил Вадим, протянув руку к ключу зажигания. – Не сейчас.

Свернув на Пушкинскую, он с удивлением отметил пустоту проезжей части, прилегающего к ней Михайловского сада и отсутствие на улицах людей.

Глупое, досадное недоразумение заставило притормозить. Знаменитый на весь город автомобиль отказался подчиниться воле хозяина.

Выругавшись и оглядевшись по сторонам, Вадим обратил внимание на горящую тусклыми огнями вывеску “Дом Юного Техника”. Старый допотопный робот смеялся. Глаза его попеременно мигали красным и синим светом, а рот застыл в прямоугольнике – улыбке.

Телефон в таких учреждениях находился, как правило, внизу, на вахте. Предположить, что в век интернета в почтенном двухэтажном здании нет никаких средств связи, Вадим просто не мог.

Он ещё раз посмотрел на фотопортрет, красующийся рядом с подвешенной на счастье плюшевой обезьянкой. Взгляд скользнул по знакомым чертам, уходя в сторону.

Фотография запечатлела молодую девушку двадцати пяти лет от роду, со своими претензиями к жизни, что мгновенно читались в капризном изгибе губ. Высокий лоб её украшала незатейливая чёлка, тёмно-карие глаза смотрели с иронией и тем чувством безмятежности, что бывает только в юности. Волны каштановых волос цвета поздней, багряной осени окружали правильный овал лица. Не таинственного, от которого заходится сердце и сбивается пульс, но холодного, красивого и всегда запоминающегося.

“Не поверит ведь“, – подумал Вадим, отмечая, что ему на это наплевать вот уже три месяца.

Взгляд прогулялся по улице и, остановившись на входе в старинный особняк, скользнул по циферблату: 20.15.

Странно, но при открытой двери, внутри никого не было. Обойдя весь первый этаж и, попытавшись отыскать телефон, Вадим поднялся по лестнице. Ещё сидя в машине, он отметил, что наверху находятся люди, снующие за шторами туда – сюда. Они передавали входящим

какие – то бумаги, получали другие и, взглядываясь в страницы, непременно качали головами. Из здания, однако, никто не выходил.

Отдав должное усталости, и желая поскорей попасть домой, мужчина толкнул первую дверь.

Глаза, на секунду сощурившись от яркого света, остановились на обернувшихся к нему лицах. Кроме этих трёх, остальные, не отметив появления посетителя, продолжали заниматься прежними суетливыми делами.

– “Ну, слава богу, – подумалось в первую минуту. – Контора, как контора”.

– Вадим Михайлович? – обратились к посетителю.

Вошедший опешил.

– Да Вы проходите, присаживайтесь, – продолжал седовласый старичок, ласково поглядывая из-под мохнатых бровей.

Круглое лицо его имело необычную бледность и лилового цвета глаза, а очень высокий рост и худощавость делали фигуру похожей на шест с главным украшением – головой – шаром. Что ещё поразило, а потому запомнилось – это странная обувь хозяина кабинета: ни туфли, ни сандалии, – будто одна подошва. Только вот, как та крепилась к ступням, Вадим понять не мог.

– Я Вас слушаю, молодой человек, добрый вечер.

Вадим недоумённо посмотрел на странного деда, на молодую девушку, сидящую рядом за соседним столом и мальчугана лет семи, не проявляющего к пришедшему ни малейшего интереса, и продолжающего точить карандаши.

– Столько хватит? – обратился он к девице. Та, даже не взглянув, ответила согласием.

– Так мы всё ещё ждём, – мягко, терпеливо проговорил старичок.

– Чего? – не понял Вадим.

– Вы же за счастьем пришли?

Волна эмоций прошла по суровому лицу владельца “Хаммера”, не оставив и следа от первоначального недоумения.

– Вы ведь хотите быть счастливым? – опередил необычный старец, и не оставляя гостя наедине с его мыслями, продолжил. – А мы можем Вам помочь. Это наш профиль, так сказать. Разрешите представиться: меня зовут Везун, – голова качнулась в лёгком поклоне. – Это – Анита, – длинные пальцы указали в сторону молчаливой девчушки, и, пройдясь далее, остановились на мальчугане. – А это – наш Ян. Смышлёный, но непоседливый мальчик.

При этих словах, брови ребёнка вскинулись, глаза взглянули на деда с упреком.

– Я же не сказал, что это плохо, – тут же парировал пожилой господин, располагаясь в кресле.

– Дед Мороз, Снегурочка и их Снеговичок? – усмехнулся Вадим. – Новая программа ТЮЗа? Хорошо, – одобрил гость, оглядываясь в поисках телефона.

– Здесь его нет, – предупредил Везун. – А Елена подождёт. Тем более у вас для неё нет подарка.

Лиловые глаза смотрели с усмешкой и вызовом. Вадим мог в этом поклясться.

– Так, – разозлился он, наконец. – К делу, дед. У меня мало времени. Что тут происходит?

На это пожилой человек, обратившись к помощнице, озабоченно поинтересовался.

– Анита, милая, я ничего не перепутал?

– Нет, – пожала та плечом и, взяв в руки лист, принялась читать. – Вадим Михайлович Ёж.

– Всегда говорил, что фамилия накладывает отпечаток на характер, – вставил Везун, махнув рукой.

Мужчина прищурил глаз и повернул голову.

– Тридцать шесть лет. Не женат. Владелец основного пакета акций компании «Проект».
Её глава.

– Налоговая, – выдохнул Ёж, усаживаясь на свободный стул. Данное обстоятельство его, по всей видимости, позабавило. – Ошибочка вышла, – лицо озарилось светлой улыбкой. – Я чист.

– Продолжаю, – спокойно заметила девушка, не отрывая глаз от страницы. – Хочет счастья. Считает, что деньги являются хорошим дополнением в том случае, если избранница любит не их, а самого господина Ежа.

– Ну да, – после некоторой паузы согласился Вадим, нервно поправляя узел галстука. – Что в этом плохого?

– Конечно, ничего. – Старичок откинулся на высокую спинку. – Мы создаём, – рука сделала воздушный пируэт, – счастье. Задача клиента – не ошибиться в его обозначении.

– И что? – заинтересовался молодой человек. – Все эти люди счастливы? – голова кивнула в сторону суетящихся работников. Те, по-разному относясь к своим обязанностям, были заинтересованы в одном – в скорейшем их окончании.

– С чего вы взяли? – искренне изумился Везун.

– Ну, как же? Такая почва для работы. Целина.

– Молодой человек, я понимаю Ваш сарказм. Это вроде защитной реакции от разочарования. – Сделав выразительную паузу, Везун продолжил. – Нас никто не видит. И Вас, кстати, тоже.

Похоже, дед преподносил один сюрприз за другим. Ёж насторожился.

– Мы Вам нужны. Поэтому Вы нас и нашли.

Теперь до Вадима стал доходить смысл сказанного.

– А – а, – протянул он, – машина заглохла. Ваша работа?

– Пакостить, чтобы насильно сделать счастливым? Это не наш уровень.

– А вахтёр внизу? Почему его не оказалось?

Везун взглянул на Аниту.

– Вышел, значит.

– Что ж вы тут сказки рассказываете? – тело поднялось рывком и широкими шагами направилось к выходу.

Дверей не было. Перед мужчиной предстала гладкая, оклеенная нелепыми обоями стена.

– Я не шучу. Можете проверить, – предложил настырный Везун. – Киньте в кого-нибудь хотя бы вот это. – Рука деда передала клиенту увесистый дырокол.

– Что я, идиот? – отшатнулся Вадим, непроизвольно убирая руки в карманы.

– Ян, – позвал дедушка мальчонку.

Тот с радостью откликнулся. Два раза повторять не пришлось. Через секунду дырокол летел в сторону пышнотелой тётки, метя ей в затылок.

Ёж зажмурился.

“Убьёт. Как пить дать, убьёт”, – глаза прищурились, но не закрылись. Пролетев женщину насквозь и вернувшись бумерангом в руки малыша, дырокол занял своё прежнее месторасположение.

Молодой человек вздохнул.

– Убедил, дед, – проговорил он с усмешкой. – Делай меня счастливым.

Ёж всё оборачивался на даму, которой повезло встретиться с посторонним предметом, и пытался усмотреть перемену в её настроении. Та, проверив содержимое сумочки, направилась к гардеробному шкафу, захватила забытый весной зонт, принимаясь прихорашиваться у зеркала. Прошло минуты две. Тени, блуждавшие на полу, вытянулись, заняли все углы и перекинулись на потолок. Скоро в конторе никого не осталось. Люди разошлись, погасив за собой свет. Вслед за этим, сами собой зажглись настольные лампы.

Повернувшись обратно к Везуну, Вадим от неожиданности вздрогнул. На его месте сидела Анита, пристально наблюдая за клиентом.

– А где дед? – занервничал глава “Проекта”.

Седой господин как – то незаметно и бесшумно исчез.

– Не беспокойтесь. Я всё устрою. Вы нам поверили, это главное.

– А мальчик где? – на лоб легла широкая складка сомнения.

Анита, оглядев стол, наклонила голову и по – особенному посмотрев на возникшую из ниоткуда раковинку, с укоризной назвала ребёнка по имени.

– Ну же, Ян, – повторила она, выжидательно взирая на предмет. – Мальчишка, – пояснила девушка. – Всё его тянет на эксперименты. Любит, балагур, оборачиваться мелкими предметами.

– Отчего же мелкими? – ухмыльнулся Вадим, пряча глаза. – Мелкий и выбросить можно.

– Вот и я говорю, – отозвалась Анита, вернув гостя в русло прежнего разговора. – Итак, объясняю. Вы излагаете на бумаге своё представление о счастье, а здесь, – пальцы пододвинули второй лист, – отражается точная копия.

– Тип копировальной техники?

– Мы доверяем клиенту. Второй экземпляр юридическая формальность.

Глаза сидящей напротив девушки завораживали своей необычностью. Вадим только сейчас это заметил. Большие, окружённые длинными ресницами, они напоминали тон, свойственный цветам, тем, каким Ёж удивлялся ещё в детстве – анютиным глазкам, в нескольких лепестках которых сосредоточились: жёлтый, фиолетовый, розовый. Такого же цвета были и глаза Аниты.

– Кстати о формальностях, – очнулся Вадим. – Хотелось бы узнать поподробней, что конкретно писать и чем мне грозит подписание документа? Я в благотворительность не верю.

– Гёте “Фауста” начитались? – выдохнула Анита. – Не вы первый. Подписывать ничего не нужно. – Девушка поднялась, прошла к незакрытому шторой окну и выглянула. Полумрак давно завоевал улицы. Они были прямым отражением их жителей и могли сказать о привычках, характерах больше, нежели какие-либо слова. – Это напоминание о Вашем представлении счастья, – вновь заговорила помощница деда Везуна. – Ну, например, некоторые пишут: “Моё счастье – деньги”. – Анита вернулась к столу. – Значит, они у них будут. Для других – счастье в здоровье, ну и так далее.

– А если я напишу: “Миру – мир “?”

– Ничего не выйдет, – спокойно возразила девушка. – Мы говорим о личном счастье. Для каждого. Зачем себя обманывать? А плата за него, она всегда различна. Вы сами поймёте. Да не бойтесь, ничего плохого не случится.

Сбоку от Вадима что – то треснуло. Он оглянулся и увидел сидящего на полу Яна, стряхивающего с себя ракушечную пыль.

Поглядев на бумагу и разобрав замысловатый вензель «Творцы счастья», глава фирмы записал на бумаге: “Моё счастье – любимая девушка, любящая меня не за деньги, а самого, со всеми моими недостатками”.

– Мы выполняем всё буквально, – пояснила Анита. После описанных ей возможных вариантов, к первоначальному прибавилось словосочетание” красивая девушка”.

Пока заказчик рассматривал написанное, объявился дед.

– Постараемся, – успокоил он. – Не беспокойтесь.

В глубине души глава компании засомневался. То ли старик быстро со всем согласился, то ли ещё что. Но интуиция, зазвенев колокольчиком, потребовала запомнить детали.

– И что мне ещё нужно сделать? Стоптать шесть пар железных ботинок и съесть три чугунных каравая? – усмехнулся уголком губ Вадим.

– Ну, зачем такие крайности, молодой человек, – дед, однако, вскинул бровь. – Или Вы через тернии изволите?

– Да нет, не напрашиваюсь, – откестился Ёж, повеселев.

Что он, собственно, не видел в свои тридцать шесть лет? Осталось проснуться и доехать до дома.

– Вы будете счастливы, – подытожил напоследок Везун.

Вадим спустился вниз и, открыв двери, вышел.

Сумерки напоздали на город, дразня догоравший закат. Тот, осторожный, отдавая последние всполохи небосводу, виновато отступал, словно просил у кого – то прощение. Медленно зажигались фонари. Взгляд вышедшего зацепился за спину одинокого прохожего, что спешил к проспекту, к летящим огням машин да большим витринам ночных магазинов а, вернувшись, в испуге застыл. Автомобиля нигде не было.

Глава 2 Засада

*в которой Ёж встречается со своим другом и,
по совместительству, ангелом-хранителем*

Обернувшись к двери и намереваясь взбежать по лестнице обратно, Вадим наткнулся на внушительного размера замок. Голова запрокинулась в надежде разглядеть свет в узких окнах – бойницах. Никогда ещё глава солидной компании “Проект” не чувствовал себя большим тупицей. Самым обидным было то, что он поверил в сказку.

Кулак ударил в дверь. Та треснула, но сдаваться не думала. С противоположной стороны улицы на мужчину смотрели многочисленные прохожие. Казалось, им было неудобно. Не любопытство, но забота о личной безопасности заставляла их переходить на другую сторону улицы. Ёж заорал, ещё раз попытался сорвать замок, развернулся, и, отчаявшись, зашагал в сторону оживлённого проспекта.

Прохлада пришла в ночной город. После удушливого дня, она укутала бульвары и сады, свежим дыханием убаюкала уставшую зелень парков и заглянула в распахнутые приветливые окна.

Вадим шёл вдоль широкого полотна пешеходной дорожки, не обращая ни на кого внимания. Прогуливающиеся обходили его стороной, предпочитая избегать неприятностей. А Вадим старался проанализировать ситуацию, в которой оказался по своей собственной глупости. Вот что являлось нестерпимым. Впервые в жизни вина ложилась не на подчинённых, не на объективные обстоятельства, а на него.

Сделав глубокий вдох, глава “Проекта” свернул к фонтану, присаживаясь на лавку. То, что проблемы с двигателем подстроены, сомнений не осталось. Машина недавно проходила техосмотр.

Вадим уважал логику.

“Что было дальше, – вспоминал он. – Люди в помещении... Человек восемь, не больше. Эти, очевидно, в “постановке”. Теперь актеры. Хороша подготовка, ничего не скажешь, молодцы. Ну, да и мы не лыком шиты”, – думал Вадим, понемногу приходя в себя.

У фонтана веселились дети. Они брали в ладони воду, стараясь подбросить её, как можно выше. Та, падала вниз, попадала на лица, отчего малыши визжали ещё сильнее.

“Мальчики – Яны, – недобро отметил Ёж. – Ладно, что ещё?.. Время. Это важно. Цепкие карие глаза устремились на золотой прямоугольник. 20.20. – Не может быть”. Вадим машинально тряхнул кистью руки. Он прекрасно помнил, что перед выходом из машины, стрелки указывали 20.15. Не могло же всё произойти за пять минут. Тут только ходу до фонтана – минут двадцать.

– Вадим! – послышалось со стороны дороги. – Ёж! – закричали из припаркованного тёмно – синего авто.

Сидевший раздражённо повёл носом. Меньше всего ему хотелось с кем-нибудь встречаться. С другой стороны, не прятаться же теперь от знакомых. В жизни всякое происходит, а выдержка в различных ситуациях отличает крепких мужиков от всех прочих. Поднявшись, небрежно переступая, Вадим направился к приоткрывшейся дверце.

– Привет, Славик.

Разумеется, в офисе это был Станислав Сергеевич Кисель, но для Вадима, Славик оставался Славиком всегда.

Никаких трудных периодов жизни, за преодоление которых можно было благодарить Ежа, у Киселя не было. Остались студенческая пора и совместные загулы лекций с необходимым набором дальнейшего опыта.

В созданной Вадимом компании, Станислав занял место главного ангела – хранителя, что у него получилось лучше, чем у кого – бы – то ни было, а в разросшемся деле заниматься всем одному стало бесперспективно.

– Чего такой хмурый? – водитель вышел из машины. – Такой вечер. – Крепкая, широкая ладонь протянулась для приветствия.

Ёж не знал, как начать неприятный для него разговор и, найдя лучшим сбор информации, сам ступил на путь вопросов.

– Ты куда?

– Домой, вообще – то. Случайно тебя увидел. Где припарковался? – голова завращалась по сторонам в поисках “железного коня”.

– Где “Хаммер”?

– Увели, – произнеслось спокойней, чем ожидалось.

Славик недоверчиво покосился, но поверил. Серьёзная была машина. И люди, видать, появились тоже серьёзные. А это уже, по штату, головная боль ангела – хранителя.

– Понял, – кивнул он, став в раз таким же угрюмым. – Рассказывай.

Через несколько минут друзья были у злополучного дома.

“Здание, как здание, – отметил про себя Славик. – Ничем от других не отличается. Второго выхода нет. Внутреннего дворика тоже. Никаких следов приставных лестниц”. Кисель несколько раз обошёл особнячок кругом.

Подобных домов с “историей” осталось предостаточно. Этот в народе звался Сорокинским, хотя кто такой Сорокин, Кисель понятия не имел. Фасад особняка был выдержан в строгих формах, но с большим количеством лепнины, – увлечением конца девятнадцатого века, – на что существовала специальная табличка для интересующихся. На ней вместе с датой постройки красовалось и предостережение – “Памятник истории – охраняется государством”.

– Ну, чего ты суетишься? – отозвался, наконец, Вадим. – Нет никого. Завтра приедем. У тебя труба с собой? – переменял он разговор.

– Там, сзади, проговорил Славик, залезая в кусты. – На заднем сидении.

“Да не ищи ты”, – хотел сказать Ёж, взирая на маневры приятеля, но передумал. – Лена? Это я. Меня сегодня не будет. Завтра. Всё, – произнёс он в то время, как палец нажимал отбой.

Вадим живо представил надрыв своего сотового телефона, оставшегося дома.

Елена, закончившая филологический, могла убедить кого угодно в ошибке прихода на этот свет. Невзирая на внимание родителей к образованию дочки, Леночка выбрала стезю специалиста по связям с общественностью, а эта область требовала, в свою очередь, не только крепкого знания русского языка, но и огромной способности уверения.

– Ничего, – вернулся Славик, разводя руками.

“Как там этот старик говорил? Фамилия накладывает отпечаток на характер? В таком случае, Кисель – не самая подходящая для мира бизнеса. Наблюдение, безусловно, верно, но не по цене машины.

В подробностях Вадим передал содержание вечернего происшествия.

– Давай заявим, чего ждать – то? – предложил друг, для которого описанная история представлялась очень уж запутанной. Одно дело выйти на центральный округ или северо-западный, узнать, кто увёл “коня” и полдела сделано. А здесь, похоже, работали гастролёры, с ними всегда хлопотно.

– И как ты это себе представляешь? – огрызнулся Вадим. – Старик – кряхтун по прозванию Везун, девица с глазами а-ля “Анютини глазки”, да мальчик Ян – будь он окаян. С чем идти – то? У девчонки – наверняка, линзы. В первый раз увидел такие.

– Ну, а пацан? – поинтересовался Славик осторожно.

– А что пацан? Ещё учиться у него будем. Раковинка, – выдавил из себя Ёж и захохотал так недобро, что по спине друга пробежал холодок.

Всё вроде, было понятно, кроме дырокола. Он же брал его в руку, ощутил вес. Не мог полёт “канцелярского убийцы” быть галлюцинацией. Не мог. Но и объяснение отсутствовало.

Славик всегда верил другу, как верит доверчивый ребёнок своему родителю. Но в этот раз, впервые в его открытый миру разум заполз червяк сомнения. Мало ли, что произошло. Вадим мог не пожелать говорить правду по каким – то своим причинам. Реально? Вполне.

– Бумага, – вспомнил Вадим. – Бумага, – и, взглянув расширенными глазами в сторону водителя, потянулся к карману.

Жёсткий, в четверо сложенный лист развернулся, явив приятелям приятный зеленоватый цвет с мягкими волнами – разводами. Глаза упёрлись в вензель.

– Улика, – подхватил Славик, радуясь хоть какой – то зацепке.

Вадим отмахнулся. О каком доказательстве шла речь, если писал он сам. И о чём? О собственном счастье. Голова покачнулась из стороны в сторону.

– Поехали. Завтра будем думать. Я устал.

– Как скажешь, – отозвался Славик, пожав плечом. – Домой, так домой.

Говоря по чести, он уже был не рад, остановившись у обочины дороги. А теперь ещё бесцельные поиски свели хорошее настроение на нет.

– Стой! – неожиданно закричал Ёж, схватив друга за руку.

Тот резко ступил по тормозам, отчего звук резины всколыхнул тишину дворов.

– Смотри, – кинулся к лобовому стеклу Вадим.

Кисель последовал взглядом за направлением. Ничего особенного он не увидел.

– Справа, – подсказал Вадим. – У дерева.

И точно. На обезлюдевшей улице, там, где должна была находиться остановка, в аккурат напротив “Дома Юного Техника” с его зазывалой – роботом, стояла стройная девушка и разговаривала с кем – то невидимым.

Мужчины всмотрелись. Из – за расстояния, отчётливость не являлась их союзником, но разглядеть некоторое удалось. Так, в сумерках, переходящих в полную темноту, слегка подсвеченную одиноким фонарём, виднелась фигура молодой девушки, двадцати – двадцати двух лет от роду, насколько это вообще можно было определить.

Славик замер, а, затем, понаблюдав секунд тридцать за странной особой, скривился в усмешке.

– Да она чокнутая.

Девушка, меж тем, кивала, словно отвечала на чьи – то вопросы и нервно оглядывалась по сторонам. В следующий миг, когда Кисель решил было прокомментировать нелепую ситуацию, Ёж опередил его возгласом.

– Да гляди ты! Туда пошла.

Нетрудно представить чувства человека, на глазах которого друг лишается рассудка, но следующее обстоятельство заставило вооружиться вниманием. Особа перешла пустынную улицу, пересекла дорогу и действительно направилась к двухэтажному особняку. Дверь легко непринуждённо отворилась, впуслав позднюю гостью и закрылась, не нарушая ночной тишины.

Славик готов был поклясться, что сам проверял замок. Как вышло, что тот на миг, разделившись на две половинки, вновь принял прежнюю форму, он пока не знал.

Тем временем, Вадим впервые за долгий день услышал звук, напоминающий звон двух хрустальных бокалов. И это совсем его не подбодрило. Быть может в другой, более удачный день он и пораздовался бы за празднующих, но не теперь. Не этим вечером.

Что касалось Славы, по своей натуре, он являлся бойцом. Случалось отступить, но такое намерение приходило с ощущением необходимости в совершении последующего тактического маневра для взятия реванша. Как любого воина, Славика раздражало отсутствие зримого, чётко обозначенного противника, а так же сам момент. Непредсказуемый и запутанный.

– Ещё один, – взволнованный голос привлёк внимание Вадима. – Вон стоит. Тоже общается.

У раскидистого каштана, чьи распустившиеся “свечки” издавали изумительный аромат цветов, уносимый лёгким тёплым ветром, прикорнул плечом средних лет господин. После нескольких произнесённых им слов, выслушанного, по всей видимости, ответа и радостного смеха на удачную шутку, человек, поправив воротничок, поклонился с достоинством, двинувшись к подозрительному дому.

– На слёт юных техников не очень похоже, – не сдержался в оценке Славик. – Пойдём, пристроимся.

Вадим не мешкая, вылез из машины в надежде просочиться в особняк вместе с припозднившимся клиентом. Когда тот, подойдя к двери, взялся за массивную, старинную ручку, в виде львиной гривы, мужчины архангелами возникли у него за спиной, налегая грудью.

– Вы чего, вы чего? – запричитал мужичок, прижимаясь щекой к облупленной краске. – Ваша территория. Я понял, понял, уступаю, – продолжал он, переходя на верхние ноты. – Кто же знал? Никого ведь не было.

– Ты кто такой? – развернул человека Славик.

– Тимофей Евгеньевич, – выговорил тот, запинаясь на отчестве.

На друзей повеяло перегаром.

– Берите, – он поднял руки, словно собирался сдаваться и отступил в сторону.

Увидев непонимание в глазах молодых людей, в особенности того, что был слева, мужчина выразительно показал бровями на стоящую сиротливо пустую бутылку.

– Откуда это она? Не видел, – Славик, подхватив стеклянную тару за горлышко, повернувшись к Вадиму. – Сам всё осматривал.

– Может, Ян? – натянуто улыбнулся тот.

– Конечно, – губы скривились в недоверчивой ухмылке. – Страшный мальчик Ян. Попробуем его потерять?

Приятели замолчали, глядя друг на друга.

– Ребятунки, может, я пойду? – жалобно попросил мужичок, вслушиваясь в разговор. Ничего не поняв, кроме того, что некий Ян имеет отношение к бутылке, а ему, Тимофею, её точно не отдадут, он с завидной лёгкостью отказался от дальнейшей содержательной беседы.

Тем временем, за происходящей у дверей сценой, наблюдала пара внимательных глаз.

– Справишься, малыш? – обратился Везун к помощнику.

– Ты ещё сомневаешься? – Ян поднялся с места, подошёл к деду и, выглянув в окно, кивнул.

Тем временем, мужчины направились к машине. Кисель очень любил “свою красавицу”, хотя до подобной характеристики было ремонта на полгода и то при условии ежедневного посещения базы. За неимением жены, всё внимание в купе с модными новинками в виде отдушек, ковриков и щёток доставались автомобилю.

– Подождём, – обернулся он к другу, откидываясь в кресле. – Как вошла, так и выйдет. Куда ей деться? – Он завёл руки за голову, потянулся, прикрывая веки и, дёрнув головой, резко выдохнул.

Ёж вглядывался в тёмные окна домов. В то же самое время, его родной, любимый “Хаммер” выплыл из небытия, поравнявшись со Славиковой “Вольвой”.

– Леший! – выругался Вадим, ринувшись наружу. Его “железный конь” приветливо подмигнул хозяину габаритными огнями и, мягко набирая скорость, пошёл вперёд.

– Да садись ты! – крикнул Славик, сориентировавшись. – Быстрей. Догоним. Не уйдёт. – Водитель искренне верил в свои возможности, отчаянно давя на педаль газа. Поворот, второй, третий...

Город вслушивался в звуки погони. Пролетали мимо стеклянные монстры современной архитектуры, опустевшие рынки, светящиеся вывески казино, а два бешенных автомобиля, продолжали доказывать преимущество прогресса.

Внедорожник шёл легко, подобно “Летучему голландцу”, скользящему над поверхностью волн. На мгновение Вадиму даже показалось, что так оно и есть. Колёса не доставали поверхности асфальтового полотна, умудряясь каким – то образом оставлять следы торможения и издавать пронзительные звуки, заканчивающиеся непременно рваным свистом.

Никого не существовало вокруг. Ни людей с их вытянутыми от интереса лицами, ни иных машин, прижимающихся к обочинам или въезжающих в них, ни радетелей обеспечения дорожного мастерства.

Славик начал отставать.

Уже когда джип совсем скрылся из виду, Ёж твёрдо и настойчиво посоветовал другу сменить машину.

– Ты уверен, что он твой? – обиделся Кисель не столько за себя, сколько за “подружку”.

– Вне сомнений. Даже номер не перебили, наглецы.

– А водителя видел?

– Нет, – помолчав минуту, Вадим, медленно провёл рукой по коротким стриженным волосам и дал волю эмоциям.

Внезапный поток красноречия иссяк нескоро. Но вот радиостанция пожелала поздним слушателям добра и Славик, не дожидаясь просьбы приятеля, повёз того к дому.

Ночь обещала грозу. Ветер стих. На засыпающий город легла удушливая пелена, а со стороны Ильинских куполов появилась причудливая туча, похожая на свадебный торт, уходящий свечками в небо. С каждым мигмом “свечей” становилось всё больше. Туча ширилась, темнела по краям, а внутри, скрытое от любопытных людских глаз, зрело необычного абрикосового цвета облако.

Кувшинки, жёлтые цветки детских забав, ещё с вечера прижав лепестки один к другому, теперь клонились к земле.

Наблюдатель видел во всём этом предостережение, и силился поскорей найти основательную крышу над головой, что была бы не под силу самому неистовому урагану.

Глава 3

Заказ Оксаны

в которой возникает новый персонаж, претендующий на собственное счастье

– Молодец, Ян, – похвалил дед вернувшегося мальчугана. – Как всё прошло?

– Весело, – отозвался пострелец.

Анита смотрела в горящие глаза ребёнка и улыбалась.

Перед ней, сжимая в дрожащих руках перьевую ручку, сидела девушка, старательно записывая на бумаге представление о собственном счастье. Когда страница закончилась, радужная девушка любезно перевернула лист.

Клиентка на миг смутилась, но, посмотрев с надеждой на седого, внушающего доверие господина, продолжила. Для окончательной формулировки хватило трёх минут.

– Всё. – Гостя подняла маленькие, глубоко посаженные глаза.

Их изменение стояло первым пунктом под красивым витиеватым вензелем.

Разглядывая посетительницу особняка, можно было отметить её стройную фигуру, мягкое движение рук, лёгкий поворот головы и едва скрытую порывистость. Последнее являлось неочевидным, но уловимым по мимике и манере располагаться на стуле. Шифоновая блуза, пожалуй, не отвечала позднему вечеру, так как девушка то и дело зябко передёргивала плечами.

– Э, как много, – отозвался Везун, беря листок в руки. – Поглядим, – лиловые глаза, вооружившись тонкими стёклышками очков, сосредоточились на ровном аккуратном почерке. – А что же для Вас, Оксана, основное во всём этом? – Очки переместились в руку. На клиентку воззрился хитрющий взгляд.

– Всё основное, – убедительно ответила девушка и, отметив сомнение сидящего перед ней человека, взялась обосновывать доводы. – Ни одна клиника не берётся изменять глаза, говорят – невозможно.

– Значит, отсутствие комплексов сделает Вас счастливой?

– Не совсем, – уклонилась Оксана. – Одно дополняет другое. Моё счастье – это любящий, любимый муж. Высокий, симпатичный, состоятельный, для которого я стану единственной во всём свете, и пусть нам всегда, всю жизнь сопутствуют удача и успех. Если же у меня будет муж, а комплекс останется, я просто не смогу сказать: “Всё. Вот я и счастлива”.

В действительно крошечных бисерках – глазах отразилась вся надежда на чудо. Они не мигая, смотрели на встающего седого человека, его удаляющуюся фигуру и где – то глубоко в душе начала рождение ненужная, солёная волна отчаянья.

– Хорошо, – развернулся Везун. – Анита, будь добра, отредактируй.

Оксана, ещё не веря в везение, повернула голову. Анютиковые глаза не отрываясь, глядели на деда. Со стороны по воздуху, навстречу девушке полетел листок.

Миг и новое, только что составленное счастье, сделав круг над столом, опустилось рядом подтверждением.

– Что здесь ещё? – саму себя спросила Анита. – Так. – Она немного помолчала, а затем привлекла внимание клиентки к написанному. – Вот, третий пункт. – Здесь Вам предстоит поработать самой.

Гостья склонилась над бумагой.

– Уверяю, это в Ваших силах, – продолжала Анита.

Маленькие глазки уткнулись в пол.

На испещрённом листе, помимо вышеперечисленного, красовалось “желание быть стройной”.

– Мы не исполняем желаний, – мягко, доверительно уточнила радужная девушка.

– Да, мы – не джины, – вставил Ян. Он увлечённо играл с разноцветными пузырями, выпуская их из трубки и ловя в ладонь. Те вылетали одновременно: жёлтый, розовый, голубой, зелёный, фиолетовый. И смысл игры был, видимо, в том, чтобы вернуть беглецов обратно.

Говоря откровенно, Оксана хотела схитрить. Обмануть саму себя. Красивая фигура требовала физических нагрузок и маниакального постоянства.

– Что же мне теперь делать? – занервничала клиентка.

– Просто вычеркните ненужное и оставьте главное.

Оксана взяла в руки протянутый ей карандаш, приступив к зачёркиванию каждого слова в отдельности. По мере того, как прямая жирная линия пересекала сочетания букв, те исчезали на глазах, не оставляя обычного для такого случая вдавленного следа.

Дело сделалось, а меж тем, Везун, уснув в углу, даже не взглянул на прощающуюся с Анитой и Яном девушку.

– Дедушка устал, – пояснил мальчик. – Но это ничего. Мы ведь здесь. Улыбнитесь.

Оксана не разделила его веселья, но поблагодарила приветливых людей за внимание к своей персоне. Дойдя до дверей, она спохватилась.

– А когда настанет счастье? Обычно когда? – спросила клиентка, теребя листок. Вопрос её мучил, сжигал изнутри, и уйти, не получив на него ответ, было равносильно пытке.

– У всех по – разному, – ответила Анита, обернувшись. – Но каждый всегда его узнаёт, – её удивительного цвета глаза сверкнули.

Оксана ещё хотела что – то спросить, но передумала. Она спустилась по лестнице вниз, вышла на улицу и, посмотрев на небо, поспешила к метро. То, как на зло, закрылось. Троллейбуса, как и маршруток, что в обычные вечера шли одна за другой, так же не было. Прозрачное укрытие оставалось пустым и даже одинокие прохожие предпочитали поторопиться, а не простаивать зазря. “Может авария?” – подумала девушка волнуясь всё больше.

Между тем, туча, пришедшая со стороны реки, наступала. Казалось, фиолетовое наваждение вот – вот обрушит на улицы потоки холодного ливня и расплатится за все обиды.

Поглядев по сторонам, Оксана собралась с силами. Нужно было отправляться домой пешком.

Колючий ветер, закручивающий столбы песка и играючи обрушивая его на запоздалых путников, ворвался в сонный переулок. Мешанина из пыли, листьев, веток, цветов осыпавшейся сирени и конфетных обёрток рванулась в лицо.

От внезапной боли Оксана зажмурилась и, повернувшись к порыву спиной, достала платок, чтоб протереть глаза.

А фантазмагория продолжалась. Над театром, в самом эпицентре наступающей чернотой массы, беззвучно полыхала зарница.

Люди, с трепетом посматривая в высь, торопились в укрытия, защищаясь руками от шального урагана. Они сопротивлялись, наклоняясь вперёд, прибавляли в шаге, ловили ртом воздух и пугались, как дети, вдруг забывшие, что нужно делать в такой ситуации. Гром ударил

неожиданно. Внезапно. Ему не предшествовали ни вспышки молний, ни обрушившийся на город поток воды. Он разверзся сам по себе и от того стало ещё неуютней. Оксана побежала. Следующий удар сопровождался близким хрустальным звоном.

– Случилось ведь, – ругала себя девушка. – Кто – то радуется празднику, пьёт вино, а кто – то, глупый, бродит ночью невесть где, наживая приключения.

Но, видимо, звезда Оксаны сегодня звалась не иначе, как Невезение, потому как за пятьдесят метров от дома, на её голову хлынул настоящий водопад. Да в таком количестве, что бежать дальше не было уже никакого смысла.

Слёзы обиды показались в тот самый момент, когда из обрызганного ее автомобиля выглянули две мужские головы и, не извинившись, исчезли в салоне.

– “Ну, спасибо, бабушка”, – мысленно поблагодарила Оксана Везуна, скрываясь в подъезде. Через несколько секунд она была дома.

Капли стекали на лицо. Холодная одежда прилипла к телу. Настроение было отвратительным. Сняв босоножки и прихватив большое банное полотенце, девушка немедленно пошла в душ, где только согревшись, окончательно успокоилась.

Спустя полчаса, утомлённое тело расположилось в кресле. Взгляд, скользнув по экрану телевизора, остановился на неторопливом действе, что происходило в далёкой московской студии.

– Сама традиция этой церемонии, – вещал рассказчик, – родилась очень давно и насчитывает не один десяток столетий...

Гость кивал в знак согласия, не сводя глаз с появившейся в кимоно японки. Лицо её казалось безмятежным и несколько отрешённым.

– Совершенно с вами согласен, – проговорил ведущий, продолжая беседу. – Юная, можно сказать почти ребёнок, девушка далека от суеты.

– А она говорит по-русски? – поинтересовался приглашённый. Решив, что секундное замешательство ведущего не что иное, как ответ, гость высказал своё мнение о Стране Восходящего Солнца. – Много можно почерпнуть у любителей риса, скажу честно. Но вот что меня удивляет. Когда я был в Японии, все люди, с которыми мне посчастливилось встретиться, были просто одержимы малыми формами. Это в некотором смысле понятно – территория – скажем, как есть – небольшая, всё больше острова и психология отсюда, – человек сделал паузу, – островная.

– Она не говорит, но понимает, – приглушённо, через улыбку, произнёс ведущий.

– Вот и я о том. У европейцев в отношении этой церемонии всякое воображение теряется.

Оксана прикрыла глаза.

Тем временем, молчаливая девушка из далёкого Киото совершала особый ритуал, ведущий о нём рассказывал, а гость делился впечатлениями о стране, которая оставила в его жизни неизгладимое впечатление, явившись наиболее светлой её страницей.

– Если поглядеть, – продолжали в студии, – это порошок зелёного цвета, который называется “маття” – то есть растёртый чай.

Содержимое заливается кипятком, и взбивается в пену бамбуковой кисточкой.

– Так и хочется запеть какую-нибудь старинную японскую песню, – поддержал неспешный процесс приглашённый гость. – Но, чу, нельзя, это действие требует тишины и сосредоточенности.

Продолжение Оксана слушала в пол – уха. Достаточно было не раздражающих звуков, монотонности движений и истинно японского спокойствия. Мозг отключался, не запоминая

тонкостей: когда пить, когда ставить, когда поворачивать чашку вокруг своей оси, когда против. Одно отложилось с определённой ясностью: печенье, то, что подают к чаю, надо съесть сразу.

Девушка заставила себя открыть глаза.

Ещё раз прослушав новости о необычном урагане и его последствиях, она подошла к зеркалу. Долго ли продолжался крик, Оксана не знала. Тело, отшатнувшись по началу, приблизилось к отражению.

– “Не может быть. Так не бывает, – билось в голове молоточком. – Но ведь стало”. – На Оксану смотрел другой, незнакомый человек.

Прежние фигура, волосы, губы, но глаза...они стали иными. Необыкновенными. Большими. Огромными.

Пальцы провели по векам. Ресницы из – за густоты мешали друг другу, но это не раздражало, наоборот. Голова пошла кругом. В глубине души, где-то очень – очень глубоко рождалось неведомое до сей поры чувство. Чувство скорых перемен.

Следующее утро выдалось розово – жемчужным. Солнце только приподнялось над горизонтом, пронизывая первым лучом туманную дымку. Щебет ранних птиц, наперебой приветствующих и зазывающих друг дружку, слился с мелодией, возникшей в голове девушки после пробуждения.

Ресницы ещё были сомкнуты, а память уже терзала воспоминанием необычного сна. Чему – чему, сновидениям Оксана придавала особое значение. Вот и сейчас, назвав предутреннее состояние рассудка реконструкцией, клиентка творцов счастья восстановила чудную картинку.

Она находилась в лесу. В удивительном сосновом бору. Высоченные деревья, рассмотреть верхушки которых представлялось возможным лишь запрокинув голову, переговаривались друг с другом, шелестя раскидистыми кронами. Лёгкий ветер, гуляющий среди стволов, играл лентой, наспех вплетённой в волосы. Оксана шла вперёд. И вот перед ней открылась удивительная поляна. Совершенно круглая. Какой в природе не бывает. А на поляне ягод – видимо – невидимо: и брусника, собравшаяся на верхушках кучками, и черника, разбросанная на низеньких кустиках и земляничное пятно – звёздочка, словно цирковой купол посередине. А у самого края, слева – заросли дикой малины, прогнувшейся под собственной тяжестью.

Только девушка сделала шаг к стеблям, на поляне показался медведь. Встал на задние лапы и заговорил человеческим голосом.

– Не боюсь я тебя больше, Оксана. Ни вот столечко, – да показывает свой самый маленький коготь.

Продемонстрировал, и айда к малине, только треск веток под лапами.

– “Любит мишка ягоды, – подумалось красавице. – Но почему он так странно сказал? Это я должна бояться. Ведь это он – зверь лесной, непредсказуемый”.

Тут сон прервался.

Оксана открыла глаза, и, вспомнив пережитое накануне, испугалась.

Развеять сомнение могло лишь зеркало, лежащее на столике. Пальцы, сжав пластмассовую ручку, не торопились радовать хозяйку. Они медленно вели залог начинавшегося счастья, отражая сперва губы, розовые от сна щёки, нос и, наконец, дошли до глаз.

Те остались преобразёнными. Удостоверившись, Оксана что есть силы, завизжала от радости и бросилась к трюмо.

Остальную часть дня девушка посвятила примерке гардероба, какой только мог идти к её новым глазам, вплоть до поясов и туфель. Нужно было убедиться, что всё имеющееся добро будет таким же идеальным, как в прежнем случае.

Ожидания оправдались отчасти. Красавица, тем не менее, с радостью отметила наступление долгожданного времени, когда покупки будут делаться под цвет глаз: в серо – голубых тонах.

Глава 4

С Днём рождения, Леночка

где происходят события, определяющие личные отношения между людьми

Славик заехал в девять.

Судя по выражению глаз друга, тот не спал всю ночь. Подождав, пока Вадим приведёт себя в порядок, ангел – хранитель осторожно начал преподносить обрушившиеся на компанию новости.

– Что дальше? – спокойно отреагировал на вступление глава “Проекта”. Он наодеколонился, выбрал рубашку с подходящим галстуком и пошёл проверить состояние обуви.

– Да, это не всё, – продолжил Славик, представляя себе последствия сообщений.

– Выкладывай, – выкрикнул Вадим из коридора.

Друг решился.

– Первое. Нас обокрали. Вынесли всю оргтехнику. – Славик взволнованно отошёл вглубь комнаты. Смотреть в карие глаза, в секунду потемневшие, не хотелось. – Второе. На счетах – ноль. Девчата не знают, как это получилось.

– У меня нет девчат. У меня – бухгалтеры. Они не знают? – не по – доброму сдержанно переспросил хозяин квартиры.

– Да, – взял себя в руки друг. – Не знают.

До вчерашнего вечера всё было хорошо. Размеренный, устоявшийся бизнес, личные связи, окончательно определённые планы на жизнь, и в миг, по чьей – то невероятной, изощрённой прихоти, всё рушилось на глазах. Это понимала даже боксёрская Славикова голова.

– Девчата работают. Стараются, – взялся защищать сотрудниц Кисель. – И верно. Кто же набрасывается так, с бухты-барухты, толком не разобравшись.

– Ты – мой, – твёрдо, с расстановкой произнёс глава “Проекта”.

– Что? – не понял Славик.

– Ты – мой ангел – хранитель, не – их, – пояснил Ёж, высекая взглядом искры.

– Ну, ясно, – отлегло от сердца. – Ещё, – утренний гость переместился поближе к двери. – Твоя Елена...

– Что она?

– Нервничает, – Славик замолчал. Он тут же вспомнил летающие блюдца, стаканы, опрокинутый с кипятком чайник и разбитую фару машины.

– Что у нас сегодня? – Синий в мелкую диагональную полоску галстук с лёгкостью завязался в узел. Посмотрев на себя в зеркало, Ёж остался недоволен. Лицо было отёкшим и хмурым.

– Двадцать седьмое июня, – напомнил Славик. – Лето.

– Знаю, что лето. День какой?

– Пятница. – Ангел – хранитель обычно любил пятницу – день зарплаты. Но в создавшемся положении, этот отрезок недели встал ровень с понедельником – тяжёлым и бесконечным.

Сейчас голову занимала исключительно одна мысль: почему нужно было тянуть с отпуском. Был бы теперь у моря или в горах, или в лесу, какая разница; чайки, беркуты или кукушки, не городские голуби – вот что важно.

– Не время мечтать, – пресёк Вадим думы, звеня ключами.

Перспекты ждали раскалённым асфальтом, пробками автомобилей с их нервными владельцами, что выезжая на дорогу в очередной раз, ругались, как в первый, разморённым людом, проплывающим по “зебрам” и молчаливыми призывами продавцов аппетитных горячих пирожков.

– Что с твоей фарой? – мимоходом поинтересовался Вадим.

– Говорю же, твоя Елена Троянская постаралась. Она.

– Разберёмся, – дверцы хлопнули одновременно. – Заедем сперва в театр.

– Куда? – переспросил друг.

– За подарком. Мы ведь на нуле, как я понял?

В минус пошёл и букет цветов. Леночка любила стрелиции, иногда орхидеи. Она не знала, какие ей нравятся больше. Всё зависело от дарителя. Но с утра не задалось. Дарили нынче всё не те. Оставалась одна надежда – на коллектив.

Вопреки ожиданиям, кабинет Ежа не осиротел. Славик преувеличил на счёт “всей оргтехники”. Но что касалось счетов – то была суцая правда. Фантом разорения, так часто приходящий к людям риска, забрезжил в “Проекте” в половине двенадцатого.

Тягостное молчание телефонного друга явилось предвестником неудач.

Словно сговорившись, клиенты принялись заваливать офис компании вежливыми отказными письмами с приведением уважительных причин и искренними пожеланиями дальнейших успехов. Кто не оставался сегодня без работы – так это факс.

– Сидишь? – раздалось позади.

Порог переступила красивая молодая девушка.

Вадим, не потрудившись развернуться к вошедшей, поприветствовал её, глядя поверх крыш и циркового купола.

– “Вот ирония судьбы, – думал он. – Офис рядом с цирком, а всё равно, что внутри. Кто же в нём главный клоун?”

– Я кого – то ждала вчера, – не замечая витающего в кабинете настроения, промурлыкала охотница за мужским сердцем. – И не дождалась.

По голубому, с лазоревой полосой небу, медленно плыли облака. Вадим с детства любил задумывать тему и получать на неё ответ различными летящими формами. Эта игра пришла внезапно.

На сегодняшний вопрос ему ответило огромное белое с розовой каймой, облако. Из мчавшегося на всех парусах фрегата, оно превратилось в незнакомый, но отчётливо воссоздавшийся город, со своими башнями, колокольнями, домами и арками. И над всей этой воздушной массой, плыли свои маленькие облачка, обгоняя и разгоняя друг дружку. По улицам передвигались фигурки людей, перетекавшие под воздействием воздушных потоков в группы и обратно, а на “крыше” “самого большого” “здания” “развивался” “флюгер”, пронизанный солнечным жёлтым лучом.

– Ау! – руки привели кресло в подходящее начальнику положение.

Чудо – город уплыл за угол.

Ёж, недовольно поднявшись, подошёл к распахнутому настежь окну. Его облако растаяло, на его место пришла черед других, не похожих ни на что. Однако, главное для себя Вадим выяснил, и потому со спартанским спокойствием взглянул на бывшую пассию.

– Красивые серёжки, – похвалил он выбор подруги.

– Ты тоже считаешь, что их пора сменить? – улыбнулась Елена, смотря в зеркальце.

Ёж не ответил. Он наклонился куда – то под стол и, достав букет в праздничной, хрустящей бумаге, перевязанный бесконечными лентами, вручил его, поцеловав девушку в щёчку.

– А это что? – обрадовалась молодая особа, присев на край стула. Узкие пальчики потянули таинственно торчащий белый краешек конверта. – Так интригующе... Глаза ещё и ещё раз обращались к напечатанной крупным шрифтом информации:

“27 июня. 20.00. Ложа...”

– Что это? – Голова медленно поднялась, слегка покачнувшись.

– Билеты, – невозмутимо ответил Ёж, довольный произведённым эффектом. – Мой тебе подарок. Так что можешь уйти пораньше и подготовиться.

– К чему? – произнесла Елена ледяным голосом.

– К опере, – уточнил Вадим, веселясь всё больше. Он сам не знал, отчего пришло чарующее чувство удовлетворения. Губы сами собой сложились в улыбку.

– Это какая – то особенная опера, что к ней надо готовиться? – продолжила вчерашняя именинница.

Думала – то Елена о другом. Увидев конверт, она уже мысленно, за несколько секунд собрала чемоданы, долетела до Арубы и, раздевшись, подставила солнцу спину.

– “Норма”, – уточнил Вадим. – Тебе же нравится Беллини.

– Не до такой степени, – отрезала девушка, и, решившись на откровение, зашептала, склоняясь над самым ухом сидящего человека. – Ты ведь пошутил?

– Ничуть, – хмыкнул глава компании, получая очередную депешу из Вадуца. – Видишь, что творится? Мы не можем позволить себе лишних трат. Кстати, хорошо, что напомнила. – Отделение массивного стола с украшением из змеевика хранило конверты различной величины, предназначенные для выплаты сотрудникам денежных знаков, соответствующих их профессиональному уровню.

Из нутра вынырнул один и переместился к краю.

– Твой.

Леночка ждала подвоха. И правильно делала. То, что её ожидало, было самым дерзким предположением.

– Ещё один сюрприз? – улыбка с трудом держалась на красивом лице. – Я должна на эти деньги купить себе проездной? Здесь даже на бензин не хватит.

– Значит нужно будет научиться ходить пешком. Одна остановка – это немного. А машину можно продать.

– Что?! – не выдержала фарса Елена, сорвав голос. – Она принялась метаться по кабинету, как разъярённая тигрица, внезапно потерявшая вкус к жизни. – Я как – никак специалист по связям с общественностью!

– Ну, на счёт общественности ты погорячилась. Во всём остальном, отдаю должное.

Желая окончательной расстановки приоритетов, Вадим встал с кресла и насильно усадив туда Леночку, в свою очередь, положил руки на её не по – рабочему обнажённые плечи. Щека коснулась щеки. – И если честно, мы оба знаем, – отметил глава компании, – что с такой работой, ты должна платить мне. За практику.

Леночка закричала, бросила букет в окно, разорвала билеты в оперу и, швырнув деньги со словами “Тогда получи”, вышла из кабинета, постаравшись изо всех сил хлопнуть дверью. Здание дрогнуло, но устояло.

Сбылся самый страшный сон Елены. Наступала нищета.

Глава 5

Тополинный пух и что из него получается

в которой малыши Ян убеждает, что все под контролем

Белый пух, с коричневыми твёрдыми чешуйками, прибитый к земле и гонимый по ней разгульным ветром, скатывался в желтовато – серые шары, блуждающие в пыли и находящие себе укрытия около лавок и бордюров. Тополя веселились. Обласканные солнцем, они спешили насладиться им и запомниться всякому до наступления следующего неизвестного на погоду лета.

И кабинет вскоре наполнился пухом. Завоевав бульвары и сады, он доставлял радость детям, делая жизнь аллергиков невыносимой. Первые играли в тёплую пушистую зиму, вдруг вернувшуюся без мороза и шуб, вторые – не в состоянии оценить природной красоты, приписывали своей болезни аристократические корни.

Неожиданно ворвавшаяся масса пушистых комочков, подхваченных порывом, закружилась посреди комнаты, к удивлению Вадима, концентрируясь и образуя маленькую человеческую фигурку. Мужчина не верил глазам. Когда те, устав вглядываться, моргнули, в кресле напротив уже расположился мальчик Ян, не в пример первой встрече.

На сей раз он был подозрительно смирен.

Вадим повёл головой, словно жеребец, которому против его воли надевают узду.

– Меня дедушка прислал, – опередил вопрос мальчуган.

– Я уже понял, – кивнул мужчина, желая усмехнуться, что никак не удавалось. – Будем ждать Аниту?

– Нет, – малыш проследил взглядом по направлению к цирковому куполу. – Я здесь один. – Он сидел спокойно. Руки, держась за боковины, не выдавали никаких эмоций, только сандалии иногда касаясь поверхности, издавали скользящий звук.

– Как можно понять из твоего визита, – рука повернула рычаг фрамуги. Окно закрылось, – дедушка хотел мне что – то передать? – тело переместилось в кресло, и, расположившись поудобней, положило ноги на стол.

– Зря Вы закрыли окно, – заметил Ян. – Вам будет душно, а мне всё равно.

– Ничего, потерплю. – Хозяину кабинета нестерпимо хотелось взять мальчугана в свои большие руки и, перевернув его вверх пятками, как следует потрясти.

– Ноги на стол класть тоже не красиво. В России такая манера противоречит менталитету и общему стереотипу поведения.

Вадим опешил.

– Ты – то откуда знаешь, мелочь? Машину мы угонять научились, разумею, всё во благо моего здоровья, теперь будем давать уроки этикета.

– Вы вправе сердиться, Вадим, – согласился семилетний ребёнок, поднявшись с кресла, в котором его сандалии еле доставали до пола.

– Поди, он согласен, – захохотал Ёж знаменитым страшным смехом.

На удивление, малец не испугался. Он приложил руку к груди и произнёс фразу, от которой Вадим почувствовал недомогание.

– Приносим извинения за некоторые неудобства.

– Неудобства?! – заорал на ребёнка человек, отодвинув в ярости кресло. Облокотившись руками о крышку стола, он продолжил. – Неудобства?! Да я разорён!
На крик дверь распахнулась и в проём сунулась голова Славика.

Картина, разыгравшаяся на его глазах, ещё долго волновала впечатлительное воображение. Друг, пунцовый от ярости, с перекошенным злобой лицом, с поднявшимися щёткой волосами, орал на кучку тополиного пуха, лежащую посреди кабинета и выслушивая её оправдания (Славик давал обе руки на отсечение, что было именно так), кричал о неприятностях на работе.

Ангелу – хранителю стало страшно. Ещё немножко и охранять будет некого.

Под бешеным взглядом Ежа, дверь захлопнулась.

– Давайте будем последовательны, – предложил малыш. – Начнём с того, что я – не ребёнок.

– Да, – подхватил Вадим, – а кто – то очень плохой.

Он уже отошёл от первоначальной злости, оставляя за собой право придушить стоящего в любой момент.

– Попробую объяснить доходчиво, – не разменялся на издёвку Ян. – Данная форма, оболочка, если Вам будет угодно, наиболее удобна и рациональна. Семилетнего человека обижать никто не станет.

– Это как сказать, – с удовольствием прокомментировал Вадим, сдерживая пальцем нижнее веко, начинавшее подёргиваться.

– Не станет, – уверил мальчуган. – С другой стороны, Вы предпочли бы разговаривать с разноцветными фосфоресцирующими шарами?

“Э, нет, пожалуй”, – подумал Вадим, но вслух ничего не сказал.

Ян кивнул и заметил: “Правильно. И все так”.

– Все, это сколько? – ухватился глава “Проекта”. Хотелось ему, грешным делом знать, что не он один попался на удочку талантливым аферистам.

– Мы никого не обманываем, если Вы об этом, – ответил на посетившую Вадима мысль добрый Ян. – Загляните в свой лист, – предложил он, и, подождав, закончил. – Там есть хоть слово о материальном благе?

– Нет, – сконфузился мужчина, пожирая глазами собственный почерк. – Я думал, что это само собой разумеется.

– И зря, – заключил Ян, закладывая руки за спину и меряя шагами пространство.

– Но я же не был нищим! – Волна возмущения вторично охватила Вадима.

– Вы хотите всё вернуть? – ухватился за сомнения малец, пристально всматриваясь в потемневшие от гнева глаза.

– А можно? – Ёж представил, что было бы, не появившись он на Пушкинской – как минимум, благополучная сытая жизнь с Леночкой. Судьба играла шутку. – Что будет, если я соглашусь? – посмотрел он на Яна с надеждой.

– Ничего не будет. Поздно. Дедушка обещал сделать Вас счастливым. Значит сделает, – и ребёнок, прищурившись, почему – то вздохнул. – А мы с Анитой поможем по мере сил.

– То есть как, по мере сил? – попытался выяснить обречённый на счастье. – Вы старайтесь там.

– В этом можете быть уверены. Поэтому для начала, Вам нужно пойти в оперу.

– Одному? – недоверчиво поинтересовался Вадим. Представив, как он будет нелепо смотреться среди многочисленных пар, мужчина вздумал отступить. – Не, не пойду.

– Нужно. Для Вашего блага. Понравится, не сомневайтесь.

Клочки разорванных в ярости билетов потянулись друг к дружке и соединились.

Ёж с любопытством вытянул шею.

– А почему один?

– Второй нужен мне, – ответил Ян, задумавшись, и подняв голову к высокому солнцу, засобиравшись откланяться.

– А “Хаммер”? – остановил Вадим уходящего гостя. – Хоть машину верните.

– Придётся подождать, – Ян был твёрд и серьёзен. – Тем более, что вчера вы гонялись за мной.

Щека Вадима в неверии дёрнулась, бровь домиком поползла наверх, а рот, ослабившись, показал два передних зуба.

– Я могу оборачиваться не только мелкими предметами, – признался мальчик. – Вы этого не могли знать.

– Теперь знаю, – тут мужчине в голову пришла шальная мысль, которую он не преминул озвучить. – А может, я пока на тебе поезжу, раз такие дела?

Вздвогнув от неожиданности, Ян, однако, быстро взял себя в руки.

– Исключено.

Вадим увидел в спокойных доселе глазах мальчика тёмно-пурпурное сияние, от которого дальнейшее желание шутить угасло.

Внезапная вспышка света отключила сознание. Следующую минуту глава “Проекта” помнил неотчётливо. Поднявшись с кресла, ноги, повинаясь чьей – то воле, подвели его к стеклянному квадрату окна. За ним, на уровне глаз, переливаясь, плыл необычный фосфоресцирующий шар. Всполохи рождали сияние, которое он, Вадим, где – то уже видел. Вспомнил. У Аниты. Глядя в её глаза, Ёж чувствовал в душе безмятежность и успокоение. Сияние завораживало, меркло, вспыхивало вновь. И так тихо было вокруг, что возвращаться не хотелось.

– Вадим, – громыхнуло от двери. – Можно? – На пороге, набычившись, стоял Славик. – Она вторую фару разбила. – На ладони большого человека, протянутой вперёд, вещественным доказательством смиренно лежал замутнённый осколок. Сиротливый, он напоминал барашка, только очень маленького. Пальцы перевернули рифленое стекло. По мнению ангела – хранителя, таким показным образом, судьба предмета была официально зафиксирована.

Повернувшись обратно к шару, Ёж уже знал, что тот исчез. Рука медленно потянула рычажок фрамуги.

В кабинет ворвался звон трамвая, свежий ветер, сквозняком пролетевший в душный коридор здания и запах сладкой карамели, доносящийся с Богоявленской.

– Он здесь был, – поглядел на друга Вадим. – Ян.

– Я никого не видел, – Славик обернулся вокруг, намереваясь узреть мальчишку. – От дверей не отходил, – пояснил он, кидая осколок фары в корзину.

– Тот в двери не ходит, – Вадим опустил в кресло и, взяв в руки билет, прочёл: “27 июня. 20.00. Ложа...”

На это Кисель ничего не ответил. Он твёрдо знал только две вещи: с Ежом в последние дни что – то происходит и это что – то не несёт ему, Славику, ничего хорошего.

– Я сегодня иду на “Норму”, – продолжил глава “Проекта”, не отрывая взгляд от билета. Тот грел подушечки пальцев и отсвечивал подмигивающей голограммой. – Мне нужна машина.

Не сразу поняв, о какой норме идёт речь, Славик решил прояснить свой вопрос.

– Ну, так я и говорю. Твоя Елена, выходя, разбила мне вторую фару.

– Значит, замени. До 19.30. успеешь.

– Да? А мальчик Ян тебе денег не оставил? – съязвил Кисель, глядя на приятеля исподлобья. – Ладно, сделаю. Людям – то, что говорить? Что у нас творится? Один ленивый не спросил, – помолчав ещё немного, Славик пустил в ход “тяжёлую” артиллерию. – Пуцинские тоже подходили. Нельзя, Ёж, отмалчиваться. Сам знаешь.

Левый глаз верного друга сощурился, пытаясь разглядеть брешь. Такие вещи необходимо было распознавать быстро и предпринимать адекватные меры. Он знал это, как ангел – хранитель.

– Всё нормально, Славик, расслабься. Я в своём уме. Только всё оказалось суровей, чем предполагалось. А любопытным отвечай – у нас – реорганизация.

– Реорганизация, реорганизация, – запоминал Кисель. Из области «организация работы по реализации положений». Подчас подобные словосочетания могли в один миг решить судьбу не то, что отдельного индивидуума, – целой прослойки общества. Повторив про себя слово ещё раз ангел – хранитель обрёл прежнюю уверенность.

С пуцинскими “Проект” ладил. В дела друг друга не вмешивались, личных обид не имели.

“И всё же Кисель прав, – думал глава компании, глядя на уходящее за дом багряное солнце. – Нужно держать ухо остро”.

Глава 6

Маленькие интриги

где Леночка хочет разобраться в переменах

Елена была далеко не глупой девушкой. Вспыльчивой, как все творческие натуры, но отходчивой и великодушной. Проехав по городу и от души постреляв в тире, она успокоилась окончательно. Простое, правильное решение пришло само. Никто после вчерашнего вечера не знал о Еже больше, чем его недалёкий, но преданный друг, поэтому, для начала, девушка решила понаблюдать за ним со стороны.

Замена потерянных деталей новыми, подняла упавшее было настроение. Водитель, любовно протирающий те по второму кругу, смешно отходил назад, вглядываясь в каждую в отдельности и, заметив жирную точку или полосу, тут же бросался на устранение беспорядка. Машина хоть и не была новой, но при подобном уходе могла посоревноваться за место под солнцем.

Поглядев на своё отражение в зеркало, Леночка вышла из-за дерева.

Что касалось Киселя, тот не догадывался о грядущей встрече, сосредоточившись исключительно на любимом занятии.

– Моя маленькая, – приговаривал он авто, – протирая новые “глазки”. – Есть же ведьмы на свете.

– Ты не меня звал? – поинтересовалась, подходя, Елена. – Не смущайся. Считаю, что сделал комплимент.

Славик стоял на распутье. С одной стороны у Ежа с Ленкой было всё кончено, насколько возможно об этом судить со стороны. С другой – сам Вадим по этому вопросу не высказывался.

– Чего надо? – молодой человек обошёл стороной “железного коня”. – Ну?

– Тебя, мой ушастый друг, – пальчик щёлкнул по покрасневшим мочкам и не дал себя в обиду. – Ты ведь любишь свою машину? – Леночка выглянула из – за плеча водителя. – А если не хочешь, чтобы с ней случилось что-нибудь ужасное, – личико болезненно нахмурилось и преувеличенно покачалось из стороны в сторону, как китайский болванчик, – мне нужно чуть – чуть помочь.

Глаза Славика остановились на пальцах, собранных в “щепотку”.

“Точно ведьма”, – с ненавистью отметил он.

– Да, да, – вслух подтвердила Леночка.

Кисель не любил полтергейсты, движения временных сфер, телепатию, гипноз и тётки Танину рассаду. Та по весне, заполняла все подоконники. И теперь мужчина отвернулся, чтобы ненароком не проговориться.

“Тут нужен костёр, – подумал он отвлечённо. – В её случае – кострище”, – и краем глаза посмотрел на ожидавшую Елену.

– Не поможет, – ответила та с удовлетворением, направляя шаги на взаимовыгодное сотрудничество. – Ну, братец, – взглянула она в стальные с желтинкой глаза, – расскажи сестрице Алёнушке, что тут происходит.

Как хорошо, что Славик всего не знал. Мутный, илистый взгляд сделался лёгким и родниково – хрустальным.

– Спросила. У нас, – Славик напрягся, – репарация, – с гордостью выговорил он. Леночка не помнила значения этого слова, но на всякий случай уточнила.

– Это Ёж сказал?

– Он самый.

– А в оперу друг когда идёт?

– Сегодня, – без царя в голове, ответил Кисель, тут же поняв, что проговорился.

Сказанного Леночке хватило для первоначальных выводов. А они были неутешительны:

Во – первых: Ёж её бросил. Основания для подозрений были вескими: отсутствие подарка на День рождения и подмена его форменным издевательством.

Во – вторых: его подозрительный поход в оперу. На это указывал лучший друг, видевший на столе билет.

И, наконец, странное слово репарация, смысл которого Елена нашла в словаре иностранных слов; в международном праве это было полное или частичное возмещение материального ущерба, причинённого войной, выплачиваемое победителю побеждённой стороной.

На повестке недели переговоры намечались только с китайцами, а кто кому должен, Леночка не уточнила.

Из вышеперечисленного следовало единственно очевидное заключение: у Вадима появилась другая женщина, он идёт с ней в оперу, и, значит, ей – Елене нужно там быть. Для чего? Для точной формулировки своих претензий и разработки тактики дальнейшего поведения.

Покупка билета заняла полчаса, выбор платья – ещё два, остальное время Леночка посвятила сбору информации, распространению слухов с укреплением собственных позиций и подготовке души и тела к предстоящему событию.

Глава 7

Утренний вояж

в которой волшебники делают свою работу

– Ты запомнил? – напутствовала Анита своего верного помощника.

Тот завис в воздухе.

– Ну, да. Чтобы всё было под контролем, – заученно повторил Ян.

Малышу не терпелось подняться над вечерним, остывающим городом, над зажигающимися фонарями, над иллюзией разноцветных фонтанов, что так шекочут ступни своими брызгами, а после усмирять мурашки минутного холода, пришедшего с ветром со стороны засыпающей реки.

В доме на холме всегда пахло сосновой смолой. И вовсе не потому, что рядом, в двух шагах был лес, просто сам дом, возвышающийся над кронами, являлся живым, не рубленным и не соструганным, а растущим и меняющимся. Сосны переплетались таким причудливым образом, что составляли и стены и крышу, а фундаментом служили их же корни – бич обычных, каменных домов.

– Сделаешь, что нужно и домой, – в который раз напомнила радужная девушка.

– Анита, – детские губы не понарошку надулись. – Не маленький, чай.

С востока, цепляясь за край темнеющего неба, наступали звёзды. Вначале тусклые и крошечные, по мере разрастания чёрной пелены, они превращались в единственный светоч полуночного торжества.

До города было далеко. А потому и звуков, сопровождавших его жизнь не слышалось вовсе. С высоты птичьего полёта, солнце казалось большим и приплюснутым у самого горизонта, куда оно так торопливо и скоро ушло. По широкой реке плыли огни. Отражаясь, они бежали за пароходами, преломляясь в скорых волнах. На палубах играла лёгкая музыка, за кормой кружили чайки, и когда им хотелось привлечь к себе внимание, они начинали нарочито “смеяться”.

Маленький мальчик спешил.

Сперва восходящий поток подхватил его так, что едва не перевернул, затем, встреченная Яном стая птиц, приняв его за новенького, намерилась звать на ночлег, в красках описывая преимущества заозёрного леса. В особенности, преуспела одна птаха, заинтригованная броским оперением и долетевшая из-за этого аккуратно до самого театра.

Проникнуть внутрь не составило особого труда.

Ян огляделся.

“Всё хорошо, – подумал он, оборачиваясь на вход. – Анита постаралась, и второй билет достался Оксане”.

В большом здании мальчику бывать не доводилось.

Со стороны площади, театр выглядел внушительным и несколько помпезным из – за украшающих его белоснежных колонн, подсвеченных нижними прожекторами.

Внутреннее убранство отвечало содержанию. Около больших, от пола до потолка, зеркал, прихорашивались немногочисленные посетители. Билетёрши, проверяя театральные при-

глашения то и дело охали, изображая на лицах следы извинения за перемену представления, не забывая при этом продавать программки и беря деньги за пользование биноклями.

Тёмно-малиновый бархат скрывал неглубокие ниши, перегороденные в тон материи банкетками. Между ними при входе в партер, во всей красе стоял барельеф самого основателя театра, за труды и старания почитаемого всеми горожанами.

Свернув направо, Ян оказался в нужной ложе. Клиентка была на месте. Мальчик с удовольствием отметил перемену в её облике.

Надо сказать, что перед выходом, Оксана целый день репетировала чувственный взгляд – её нынешнее главное оружие, и была уверена в решающем назначении сегодняшнего вечера. Лёгкий, прозрачный макияж сделал акцент на глаза и ресницы, волосы легли в вечернюю причёску с едва выбивающимися, выщипанными прядями. Для особого случая был выбран лавандовый цвет. Свободное лёгкое платье на тонких бретелях сделало фигуру притягательной, а воздушная, из газа, шаль, укрывала зябкие плечи, придавая некоторую защищённость.

Оксана тихонько вздохнула.

Запах духов, хранящих свежее дыхание розы и таинственного природного янтаря, завершили новый образ. Кружилась голова, и даже самое незначительное изменение в зале, вводили девушку в смятение.

Остальные пришедшие насладиться “Сказками Пушкина”, – неожиданной театральной заменой, “обкаткой”, как сказала старушка с кудряшками – ореолом, не торопились занимать места. Пятеро в партере, двое – напротив, в другой ложе, четверо в бельэтаже и ещё несколько человек на балконе, вот, пожалуй, и всё. Оксана откинулась на мягкую, овальную спинку кресла и взялась припоминать подробности сегодняшнего утра, что привели её сюда, в бархатный мир театра.

Красавица не могла дождаться открытия магазинов, а потому поспешила выйти на улицу, как можно раньше.

Сосредоточенные различные кафе, театральные кассы, выставочные залы и банки, мягко разбавлялись зоной бульваров, перпендикулярами зелёных улочек и желтеющими лавками скверов.

Час настал. Никогда ещё Оксана не ходила по магазинам с таким удовольствием.

Переходя от одной витрины к другой, она вдруг заметила неизвестного, необычного преследователя. Сперва, безусловно, привлекали внимание товары, выставленные на всеобщее обозрение, но когда, глядя на своё новое отражение девушка стала видеть другое, она заволновалась.

Перешла дорогу, зашла в шляпный магазинчик, уходящий ступенями в подвал, примерила, какие – то нелепые козырьки с креплениями за уши и напряглась: её преследователь – прескверный старикан, явно мающийся радикулитом, был тут же.

“Господи, – подумала Оксана. – Не может счастье быть таким”, и, выудив из сумочки аккуратный листок, взялась перечитывать.

Дойдя до последней строчки, глаза прикрылись, а из души вырвался стон.

– Вам плохо? У Вас что-нибудь болит? – вызвалась вперёд сердобольная продавщица. – Я могу оказать первую помощь.

– Спасибо, – рассудок заставил губы растянуться в подходящей случаю улыбке. – Не нужно.

“Высокий, – ещё раз прочитала Оксана и взглянула в зеркало на старика. – Достаточно. Симпатичный, – сверилась она вновь, сравнивая запись с отражением. – Для пожилого чело-

века – вполне. Состоятельный, – судя по внешнему виду – да”. И ни слова о том, что её избранник обязательно должен быть молодым. “Ну, здравствуй, счастье”, – с ужасом ознаменовала голова.

Дедок, меж тем, не подходил, отвлечённо рассматривая фетровые шляпы. Дряблые трясущиеся пальцы переворачивали гипотетическую попку и, не переставая лазить внутри, всё время проверяли качество швов. Отсутствие комплексов по поводу собственной старости позволили пожилому господину ходить в мягкой льняной рубашке с очень короткими рукавами. Может, старичок и являлся неплохим человеком, и на самом деле был не так противен, но девушка представляла себе счастье совсем другим – молодым и полным сил жить дальше.

“Совпадение”, – анализировал девичий разум, в то время, как стройные ножки продолжали свой нехитрый путь к выходу.

Оксана ещё долгое время петляла в переулках и прилегающих к саду улочках, вспоминая фильмы про всех известных ей разведчиков. Покупка эскимо имела своей целью скрасить пережитой кошмар, а заодно отдохнуть от длительных переходов на высоких каблуках. “Чего она их надела? Ах, да, для встречи с счастьем”. Только она так подумала, как на той же скамейке, всего в каких-нибудь сорока сантиметрах от неё, примостилась фигура утреннего мучителя. Девушка, на миг отвернувшись в сторону воркующих голубей, пропустила сам момент появления старца.

При близком рассмотрении, он не стал выглядеть лучше. Проплешина, узкие глаза, спрятанные за коричневыми стёклами очков, тонкие, побелевшие губы, старая потрескавшаяся кожа, по былой памяти обтягивающая широкий череп и худые плечи способствовали почитанию возраста, но никак не симпатии.

“А, – догадалась Оксана, и от её догадки стало неудобно. – Счастье пожилого господина – молоденькая, красивая девушка, любящая его до беспамятства, добрая, отзывчивая, способная разбудить уснувшего телом, но не душой мужчину, и далее, по списку, забытому на другой скамейке у деда Везуна”.

Молодая особа вскочила. Эскимо, пять минут назад доставлявшее удовольствие прохладой, обожгло горло.

– Нельзя заглатывать такие большие куски, – мягко проговорили рядом.

Оксана обернулась.

– Да присядьте, наконец, – на девушку снизу вверх смотрел нудный, отвратительный старик. Он – то и говорил чудесным девичьим голосом. – Не могу же я без конца Вас разыскивать. Красавица села не от приглашения, но от изумления.

Старик снял очки и на Оксану взглянули знакомые анютиковые глаза.

– Да, это я, – негромко подтвердила Анита.

– Но, почему? – запнулась собеседница, указав на весьма экстравагантный вид.

– Вы бы обратили внимание на пожилого господина, если бы только он Вас не преследовал?

– Нет, конечно, – хмыкнула Оксана и невесть чего устыдилась.

– Это нормальная реакция, не смущайтесь. – “Старик” переложил ногу на ногу, а из внутреннего кармана достал билет. – Сегодня Вы идёте в оперу.

“Вот оно, главное”, – затрепетало сердце.

– Это Вам.

Взяв дрогнувшей рукой залог будущего счастья, Оксана невольно отшатнулась.

К скамейке со стороны цветочной клумбы, засаженной так, чтобы основное цветенье выдалось ко Дню города, приблизилась группа празднующейся молодёжи. Их руки не были свободны. Расположив в одной сигареты, а в другой пиво, они остановились вровень с сидящими, заслонив своими формирующимися телами ускользящие лучи солнца.

– Чем это нынче расплачиваются пенсионеры? – заговорил лидер компании. – Билетами, – произнёс он с интонацией, от которой молодые приятели загоготали. – Девушка, а у нас билетов больше, – обратился задира к Оксане, увидев, как та прячет дорогую для себя бумажку.

– Вы бы шли, ребята, мимо. Не мешали общению.

– О, – гаркнул второй балбес. – Это так называется? А во время первой мировой как было? – И он выпустил струю дыма в стёкла очков, которые Анита предусмотрительно надела.

– Дед, – снова заговорил главный, притворно наклонившись. Остальные шестеро подыграли лидеру. – А чего у тебя с голосом?

Оксана замерла. Она не представляла, в какой оболочке придёт к ним с Анитой спасение.

– Чего, пенсионер? Нельзя разочаровывать молодёжь, – наставлял балбес в то время, как главный раскуривал очередную сигарету. По его невербальному сигналу ребята приглушили звук плеера.

– Между тональностью голоса и мужскими способностями существует связь, – продолжал просвещать лопухий. Помимо этой отличительной особенности, у него имелась ещё одна – он шепелявил. Получалось смешно. И дело было даже не в недостатке, легко, впрочем, устранимом, а в том апломбе, с каким вёл беседу юноша.

– Вот и я о том же, – заметил старичок, улыбаясь. – Пора тебе, парнишка, басочком разговаривать.

Лопухий зарделся.

Посмотрев на «ветерана» со злостью, главарь, выйдя вперёд и через приоткрытую губу выпустив наверх струю сизого дыма, обронил.

– А ты поучи, поучи, старик, как жить, пока не поздно.

В узких щёлках глаз сверкнул волчий азарт.

– Не курить, – спокойно произнёс дедок – Анита. – Не злоупотреблять спиртным. Я не говорю – не пить, – морщинистая рука поднялась и опустилась. – Не злоупотреблять. И спортом надо заниматься. Вишь, какие вы хлипкие.

– Да ты чего, старый, – забузили ребята, подходя поближе. – Валя, дай мы ему объясним про эру динозавров.

– Валя? – переспросила Анита, а Оксана принялась молиться о благополучном разрешении ситуации. – Стало быть, Валя. Знаете, почему курить нельзя?

– Ну? – со смешком заинтересовался лидер. – Минздрав не всех предупредил?

– Нет, – серьёзно отозвался “старик”. – Будьте добры, отойдите от солнца. У меня ноги мёрзнут, – как бы невзначай, обратился он к группе стоявших. – Нет, Минздрав здесь как раз не при чём.

Что касалось Оксаны, та начала успокаиваться.

– Всё дело в лёгких, – сказал и замолчал “чудо – старик”.

– Ну, открыл, – выдохнул дымом Валентин.

– Это не всё, – строго продолжила Анита. – Они на тебя, Валечка, обижены. Много хлама, говорят.

– Что? – поперхнулся заводила.

Группа ребят замерла. Кто – то просто открыл рот, кто – то зажмурился, предвидя ответную реакцию вспыльчивого одногодки, а кто – то уставился на очки старика.

Оксана тоже заметила перемену. Изменив форму, те из коричневых превратились в мерцающие тёмно – жёлтые.

– Доказать? – старик испытующе смотрел на молодого человека.

– Отвечаешь, – пригрозил Валентин. – За язык никто не тянул.

И Оксане вновь стало страшно за Аниту.

– Само собой, – легко подтвердила та. Указав в сторону юношеской груди, она обратила внимание. – Слушай.

Валентин замер. Застыли и окружающие своего заводилу приятели.

– Валя, хватит, сколько можно?

Парнишка закрутил головой.

– Не вертись, – раздалось изнутри снова. – Это мы, твои лёгкие. Я – правое.

– А я – левое, – другим голосом проговорил кто – то.

Валентин уставился на старика.

– Я уже совсем дышать не могу, – сказала, видимо, правое, так как Валя наклонил ухо вправо.

– Нет, это я не могу, – возразило левое, и юноша наклонился влево, выронив сигарету.

Ребята столпились вокруг друга, не веря услышанному.

– Да у тебя даже пятен нет, – продолжало спорить первое.

– Нет? – сердилось второе. – А это?

– Ха, разве это пятна? – хохотало то, что справа. – Вот это пятна.

– Ну да, а это вот так, рентгеном засветило, – отвечало другое. – Эй, наверху, – раздражённо донеслось из глубины человеческого организма. – Может, вы ещё все дружно выдохните?

Не сговариваясь, пацаны, кругом столпившиеся около Валентина, побросали свои сигареты.

– Старик, – бросился Валя к Аните. – Делай обратку. Я всё понял...

К вечеру того же дня по городу пополз слух, будто Валя – Валентин – чревоушатель и таким странным способом решил бросить курить.

Глава 8

Это ли не счастье?

где на фоне оперных страстей происходит знакомство Ежа и Оксаны

Оксана улыбнулась. Всё в жизни складывалось удачно. Радость, переполнявшая девичье сердце, приобрела фантастические формы.

В зрительный зал изо всех распахнутых дверей стал вливаться сияющий радугой поток. Оксана уже видела подобное, когда, набрав полный таз воды, обнаружила в нём дрожащее спектральное пятно, разгулявшееся от электрического света.

Здесь же “река” была настолько широкой, что красавица поначалу оробела.

В оркестровой яме, не замечая произошедшего, разыгрывались музыканты, готовясь поразить зрителя неожиданной для него премьерой.

Между тем, радуга, собравшись некоей туманностью вокруг центральной люстры, вспыхнула, разделившись на множество фигур различной величины: здесь были и светящиеся горошины, и мерцающие шары, удивляющие массивностью, и среднего размера сцепившиеся сферы. Все эти внезапные гости спектакля сперва рассредоточились у потолка, а затем принялись выбирать места. Одни полетели к балкону, другие в партер, оседая в мягкие, бархатом покрытые кресла, словно те предназначались исключительно для них, третьи в бельэтаж.

Несколько искрящихся шаров – бусин вздумали поиграться в хрустальных подвесках громадной люстры, отчего зал наполнился звоном, привлёкшим всеобщее внимание.

Из – за кулис высунулась голова в странном уборе и, поглядев наверх, обеспокоено убра-лась.

– Говорил ведь, не надо менять, – тараторил ведущий артист театра, сперва заслуженный, а недавно ставший народным. Он делил гримёрную со своим коллегой и приятелем – низеньким пухлым Михаилом Алексеевичем, манеры которого отличались приобретённым, поверхностным жеманством. Мужчина внимательнейшим образом вглядывался в свой грим, находя возможным его улучшить.

– Не беспокойтесь, Лавр Олегович, это трамвай, – отозвался говоривший. Человек ещё раз посмотрел на себя в зеркало и, оставшись довольный костюмом, обернулся к собеседнику.

Тот, по всему, не разделял оптимизма.

– Какой трамвай, – возразил он, – ближайшая линия в трёх кварталах отсюда.

– Ничего, ничего, – успокаивал коллега, – волноваться перед выходом всегда полезно.

– “Господа артисты, просим срочно явиться наверх”, – проговорило радио высоким голо-сом и, будто передумав, повторило фразу, изменив смысловое ударение.

– Что ж, идёте, Михаил Алексеевич, – пряча термос в декорацию, произнёс “народный Лавр”. – “Тёмной ночи Елисей дождался в тоске своей”, – процитировал он, спускаясь по ступеням.

По лестницам разнёсся запах жареной рыбы. Обычно он к началу любого спектакля выветривался, но не сегодня. Артисты, для которых предназначалась сия трапеза, внюхивались, спешно выдыхали дух и тихонько указывали на связь между неожиданным решением дать премьеру и въевшимся ароматом, как некоем знаке.

– Свои рекламы будете репетировать после, а сейчас потрудитесь отдаться искусству, – громыхнуло справа по коридору, оттуда, где был кабинет главного режиссёра.

Кто на этот раз не отдался искусству, актёры лишь догадывались. Кажется, все свои были на месте. Взгляды скользили по лицам, делали таинственное выражение, мол, всё понимаем, и с лёгкостью уходили в сторону.

Труппа, собравшаяся в малом зале, представляла собой зрелище преинтересное.

Были здесь и богатыри, и старуха из “Золотой Рыбки”, и Золотой Петушок, снявший на время “голову”, и пристроивший её у себя на коленях.

Артист, чьей первой в жизни серьёзной ролью стал этот пушкинский персонаж, нервно поглаживал костюмную бородушку.

– Не волнуйтесь, Павлик, – тихонько проговорила Шамаханская царица, зябко передёрнув плечами. – Мне тоже не нравится смена спектакля. Разве так устраиваются премьеры? – Аллочка Бурляева, которой данная роль подходила более всего и по таланту, и по внешним данным, мечтательно прикрыла глаза. Окончание первого представления спектакля пятилетней давности до сих пор тревожило молодую душу, пробуждая томные воспоминания. Успех, подкреплённый охапками цветов и стерлядьё неведомого поклонника, явился малой прелюдией к большому праздничному столу. Далее шло продолжение оценки таланта. Короткое, но очень искреннее... – Вот, – закончила Шамаханская царица.

На это молодой человек только ещё быстрее начал перебирать пальцами, устремив взгляд в сторону вошедшего “главного”.

Режиссер был талантлив, но зависим от обстоятельств. Конъюнктура диктовала отмену антрактов и неожиданный взгляд на давно известную всем пьесу. Так родился замысел “Сказок”, включивших в себя и “Золотую Рыбку”, и “Золотого, – же, – Петушка”. Одновременное их прочтение явилось тем свежим глотком воды, что, по мнению режиссера, хотел ощутить зритель. Как покупатель, он, наверное, был прав.

Идея, придя один раз, не думала уходить, воплотившись в реальность при помощи вращающейся сцены.

Задумка была такова. Сказки, имеющая каждая свою половину, содержали фразы, подходящие для плавного перехода одной в другую. Правда, не все артисты соглашались с авангардом, на что главный режиссёр обвинял их в косности и застарелости.

Вот и теперь он держал долгую паузу. Для усмирения тяжёлой, – по его словам, – труппы, в которой каждый норовил доставить ему неприятности, в виде преждевременных родов, или ухода в другой академический театр, нужны были стальные, канатные нервы.

– Основная цель спектакля? – продолжал он спрашивать актёров, готовых выбежать на сцену уже сейчас, только бы не отвечать на пустые вопросы. – Какая? Ну, “Петушок”?

Павел вздрогнул.

– Хм – м, – протянул он. – Основная цель спектакля – донести до зрителя главную мысль: нужно выполнять свои обязательства и не жадничать.

– И не правильно! – Торс главного режиссёра вытянулся по направлению к сидящим. – Основная цель спектакля – создать шоу. Яркое, зрелищное, – начал фонтанировать руками человек, – музыкальное, если получится. Чтобы зритель вышел из театра, напевая простую, легко запоминающуюся мелодию.

Глаза режиссёра горели. Он верил в то, что говорил.

– Да, – продолжал мужчина убеждённо. – Людям нужны драмы, только не тем, кому приходится в них жить. Нужны. Так вот пойдите и сыграйте. И пусть это будут “Золотая Рыбка” и “Золотой петушок”.

Патетика достигла апогея. Павлик смотрел на руководителя снизу вверх и чувствовал всеми фибрами, как входит в бессмертную историю театра с затейливым хвостом и шпорами на лапах.

Прозвенел предупредительный звонок.

Последние тридцать – тридцать пять зрителей, что не отказались от своих билетов, заняли места.

“Радужка”, как назвала про себя Оксана шары, начала преображаться, превращаясь в различных людей. Из массы света возникла громоздкая полная женщина, окружённая тремя карапузами. Затем, группа смеющейся молодёжи. Сцепившиеся сферы превратились в пары, не желающие разлучаться ни на миг, потому державшиеся за руки, а мятущаяся из конца в конец полусфера – в низенького лысеющего господина.

– Вы тоже это видите? – произнесли сзади.

Оксана обернулась. Перед ней стоял высокий, симпатичный, можно даже сказать, красивый мужчина и не отрывал от неё глаз. “Это и зовётся любовью с первого взгляда”, – подумала девушка, приветливо улыбнувшись. Говоря по правде, она чуть не подпрыгнула от восторга. Только врождённое воспитание и желание не спугнуть будущего жениха, сдержали первый порыв броситься ему на шею.

Не отводя взора, Вадим присел.

Мальчик Ян остался доволен. Миссия волшебников оказалась полностью выполненной и перестала требовать его вмешательства.

– Я ещё побуду здесь неподалёку, – проговорил он, сочтя, что Оксана не обязательно должна видеть его и слышать.

Мужчина кивнул. С этого момента жизнь для него перестала казаться бессмысленной. Конечно, ещё многое предстояло узнать, прочувствовать, испытать, но увиденное стоило времени и сил.

– Меня зовут Вадимом. Вадим Ёж.

– Ёж? – изумилась красавица. “Какая смешная фамилия, – подумала она. – А я что, стану Ежихой?”, – но вслух сказала. – Очень необычно.

– Вам не нужно завтра рано вставать? – неожиданно даже для себя спросил Вадим.

– Нет, а что? – засмутилась девушка. Она подумала о том, что молодой человек явно торопится, но когда услышала его ответ: “Мы будем гулять по городу”, зарделась ещё больше. От собственного стыда. Красавица подняла глаза и увидела другие, пьяные, влюблённые.

В этот миг, Оксана захотела, чтобы никто не входил в их ложу, а вечер продолжался вечно.

– Я буду свободной ещё, – лицо обратилось к росписи на потолке, – одиннадцать дней. А потом начну работать над новым заказом. – От волнения голос дрожал. Телу стало жарко. Шарф, покинувший хрупкие плечи не смог остудить пыл, и потому был возвращён обратно.

Вадим поднял бровь.

– Детские книжки, – пояснила знакомая. – Я их оформляю. Помните, «Уронили мишку на пол...» Моя задача, стало быть, нарисовать кого – то напоминающего мишку.

Свет погас. Зазвучала музыка. Спектакль начался.

Молодые люди осторожно узнавали друг друга, не догадываясь, что в эту самую минуту за ними наблюдает пара весьма внимательных пронзительно карих глаз.

Леночка предусмотрительно взяла с собой солидный, офицерский бинокль. Предлагаемые в театрах, были далеки от целей, занимавших ум и сердце специалиста по связям с общественностью. А основной задачей представлялось изучение отнюдь не теоретического противника.

“К сожалению, красива, – отметила Елена, поигрывая цепочкой. – Но сложностей боится только тот, кто их никогда не преодолевал”.

– “Шевельнётся, встрепенётся,
К той сторонке обернётся,
И кричит: “Кири – ку – ку.
Царствуй, лёжа на боку!” – неслось со сцены.

Пока Елена отмечала перемены в отношениях между влюблёнными, за кулисами творилось что – то невообразимое.

– Где Петушок?! – кричала Шамаханская царица – Его выход.

В это время шла ария звездочёта. В неё вошли: красочное описание звёздного неба в августе, рассказ о созвездии Льва и небольшая инструкция обращения с телескопом, идея которой принадлежала самому главному режиссёру.

Павлик вылетел на сцену благодаря физическим способностям “Золотой Рыбки”, нашедшей его за вторым занавесом.

– “Ко – ко – ко”, – запел Петушок, успокоившись.

Елена не отводила взора от интересующей её логи. В голове рождался план.

Что касалось Вадима и Оксаны, те давно держались за руки, не обращая внимания на разыгрывающуюся на сцене драму. Глаза смотрели в глаза. И первое молчание значило много больше, нежели поток красноречивых фраз.

Подвижная конструкция сделала оборот. Перед зрителем предстала с детства знакомая картина. Плещущаяся в тряпичных волнах Рыбка, – актриса Полунина, – представляла собой показательное торжество таланта. Она была огромной и, исходя из этого, могла исполнять только очень большие желания.

Актрисой Полунина была тоже хорошей, не с дарованием, но с даром, некой притягательной силой, которая сметает всё на своём пути, и первыми – сомнения.

– Я белок никогда не играла и играть не собираюсь, – проговорила в приватной беседе возмущённая артистка, не переставая волноваться. – Это после таких, можно сказать, эпохальных ролей, – продолжала она, перечисляя. – Снежная Королева, матушка – Зима, Вьюга. И что теперь? Два слова: “Гриб будешь? “Нет, надо уходить до ёлок.

Имелись в виду новогодние спектакли, обязательный атрибут современного театра с, как правило, большой доходной частью. Несправедливо хорошо было Снегурочкам – роль приличная, длинная, платили неплохо.

– И дети радуются, – поддержала Полунину подруга, не имеющая к театру никакого отношения.

– Да – а, – протянула та в ответ рассеяно, – и дети радуются.

Ария Золотой Рыбки благополучно завершилась обещанием новой избы, но день 27 июня загапризничал. От волнения людей или от нечеловеческой силы ожившей по себе техники, персонажи очутились в непривычных для себя условиях.

Появившаяся на авансцене Шамаханская царица вместо того, чтобы зазывать царя в свой необычный шатёр и укладывать того на парчовую кровать, с ужасом обнаружила, что кроме дряхлой землянки, Додона и пригласить толком некуда.

Старухе из “Золотой Рыбки” тоже не повезло в путанице с разворотами сценической конструкции. В то время как она, согласно мизансцене, вышла к рампе в собольей душегрейке и парчовой кичке, легчайшего шифона шатёр вернулся на прежнее место с окружающими его цветочным лугом и кустарником.

“А где же терем?” – застыл в глазах безответный вопрос, обращённый к коллегам по театральному цеху.

Но шатёр стоял намертво. До того метавшийся круг перестал подчиняться кнопке.

– Занавес! – ревел помощник режиссёра беззвучно. На его лице сложилось слово “антракт”, а носогубная складка показывала, каким он будет за кулисами.

Оксана с Вадимом не отметили накладок, им было не до того.

– А цвета? – спрашивала девушка.

– Весёлые, – отвечал мужчина, не задумываясь.

– И у меня, – по – детски радуясь, подпрыгнула Оксана. – А время года?

– Теперь моя очередь.

– Хорошо, – автор мишек и лошадок закрыла глаза.

– Любимое время года? – спросил Вадим на ухо.

– Май. Конец мая, – поправилась Оксана. – И лето.

– В точку.

В это время за кулисами появлялись первые сомнения относительно успешности премьеры. Белый флаг ещё не был поднят, но уже готовился к выбросу.

– Как думаешь, – спросил удручённо Лавр Олегович, – они заметили?

“Додон” понял. Коллега имел в виду уровень внимания зрителя.

– Ну, – ответил он. – Если сегодня не выход любителей творчества Пушкина, а я думаю, что нет... Всё – таки решение о премьере явилось неожиданным, тогда возможно всё образуется и казус будет расценён, как удачная находка с потаённым смыслом.

– Каким? – вписалась в разговор Шамаханская царица. – Я, как дура, вертела головой в поисках хоть какого-нибудь приличного ложе. Не на доски же царя укладывать.

– Вот – вот, – подхватила ещё одна жертва сценической “карусели”. – Моей “Старухе” шатёр подвернулся.

– А вот я считаю, что не всё так плохо.

Народ обратил взоры на тихо подошедшего дебютанта. Павел, сумев привлечь к себе внимание, решил блеснуть потаёнными режиссёрскими задатками.

– Представьте, – начал он. – Поле брани, шатёр, а возле него – Старуха. “Дурачина ты!” – говорит она, обращаясь. К кому? Да хоть к кому, – поставил точку в рассуждении Петушок. – Шатёр – гипербола. Зыбок мир, и всякий, кто представляет жизнь эдакой красивой лёгкой тканью – жестоко ошибается. Или второй вариант...

Тут подтянулась остальная часть труппы, включая дублёров, а Павел запальчиво продолжал.

– Шамаханская царица на фоне землянки, в неглиже, – простите Аллочка, – обратился он к актрисе Бурляевой. – Какой в этом подтекст?

– Какой? – переспросил Лавр Олегович, искренне недоумевая.

– А – а, – потряс костюмным крылом Петушок. – Шамаханская царица, как представительница жаркого юга, обречена на мучительную смерть в краях длительной зимы. И что тогда? Теряется смысл её прихода.

Так далеко из актёров никто не заглядывал.

– Хорошенькие гиперболы, – нахмурилась Старуха из “Рыбки”. – Хотела бы я посмотреть, как Вашего Петушка, Павлик, сажают не на мягкое вертящееся сиденье, а как у Пушкина, на спицу. Наверное, по – другому кричалось бы “Кири – ку – ку”?

Павлик смутился.

– Всё это верно, – Михаил Алексеевич покачал головой, отчего корона, изготовленная под размер головы другого Додона, съехала на бок. – Но что делать с прессой?

– Какой прессой? – заволновались актёры.

Надо было смотреть правде в глаза – прессу трагики не любили. Она стала к ним слишком беспощадной в последнее время. И случилось же, чтобы в такой день та объявилась снова. Многие журналисты, к их уважению, понимали – на театре карьеры не сделаешь, но тем яростней кололо перо критиков, доводя артистов до головной боли, пускай даже на один вечер.

На самом деле никакой прессы не существовало. Это Леночка старалась запечатлеть свою соперницу в различных ракурсах, отчего вспышка не переставала ослеплять глаза.

Один раз девушка разозлилась серьёзно. Подойдя к самой ложе, она поняла, что Вадим не реагирует ни на кого, кроме своей новой знакомой. Благодаря этой внезапной особенности, специалисту по связям удалось сделать не только отчётливый портретный снимок, но и узнать имя неприятельницы. Врага звали Оксаной.

Это была вторая Оксана в Леночкиной жизни. Известия о судьбе первой обрывались на берегах Оки.

Девушка вернулась на место. Отложив фотоаппарат, она устремила взгляд на сцену, где тяжёлый тёмно – малиновый занавес, расписанный по низу золотой нитью, начал колыхаться в преддверии окончания антракта.

То, что случилось после, взволновало Елену до самой последней извилины аналитического ума. Причиной внезапных тревог явился душераздирающий, неопиcуемый по выразительности крик Ежа.

– Ян! – закричал глава компании. – Ян!

Девушка подумала, что новая пассия, чего доброго, ударила Вадима, но та сидела так, словно его рядом не было. Огромные глаза сверкали подступившими слезами.

Оксана оглядывалась, щупала руками орущего Ежа, но как – то сникнув, неожиданно для Леночки, отправилась восвояси.

Елена ринулась за ней.

– Где ты?! – не унимался Ёж, привлекая к себе внимание сидящих зрителей. Он хватал ладонями воздух справа от себя, будто собирался поймать невидимку, но всё время натывался на незримое препятствие.

События, предшествовавшие такому странному поведению, не были доступны пониманию простых людей, пришедших провести чудесный вечер. А произошло следующее. Когда Вадим подступился к предложению угостить Оксану мороженым, над партером раздался треск, какой бывает у проблемной электропроводки. Люди – шары вмиг исчезли, обнажив кресла, ставшие в одночасье одинокими, а люстра, задрожав, перестала издавать хрустальный звон.

– Ян! – звал Ёж в отчаянье. Он метался в ложе, не решаясь, впрочем, её покинуть, бросался плечом в сторону Оксаны, но неминуемо сталкивался с чем – то похожим на крепкую

стену. Так обычно мимы демонстрируют своё искусство. Однако последние зрители, решившие остаться на местах, не разделили мнение о глубоком воздействии первой части спектакля на состояние души. Мысль оставить театр стала посещать и их.

Вадим рухнул на стул, обхватил голову руками, и затих.

А в это время за кулисами смолкли конечные споры относительно внимательности зала.

Помощник режиссёра, выглядывая глазом в разрезанный по шву занавес, узрел два десятка человек, в смятении покидающих свои места.

– Что будем делать с прессой? – тихонько спросила Шамаханская царица.

Об этом думали все.

– А что с ней поделаешь? – ответил за каждого “Петушок”.

По старому поверью, лицедей, даже находясь одной ногой на больничной койке, должен был заставить другую ступить на сцену и выполнить свой долг до конца. В труппе больных не наблюдалось. Опять же маячила тень “главного“, который очень любил своих артистов и от всего сердца желал им большого добра.

– Вадим, я здесь, – Ян отчаянно тряс мужчину за плечо. – Что Вы сидите? Надо же догонять Оксану.

Волшебное словосочетание было произнесено, и Ёж, подняв туманные глаза на невидимого никем, кроме него, мальчишку, хотел схватить того за шиворот, но рука прошла сквозь тягучую массу.

– Догнать? – взревел Ёж, не контролируя себя. – Ты что наделал?! Где она?!

– Да на улице. Я только что оттуда. Ждёт такси.

Вадим окинул взглядом зрительный зал, выглянувшие головы актёров, круглые фигурки билетёрш, с навешанными на них биноклями, и бросился к выходу.

Глава 9

Досадное недоразумение

в которой влюбленные не хотят, но расстаются

Оксана ничего не видела, кроме жёлтых пятен машин. Зелёные огоньки и черные шашечки никак не хотели остановиться возле неё, отчего становилось ещё тоскливей.

Хотелось малого. Пережить очередное поражение. Вспоминая детали и вина в произошедшем только себя, девушка желала поскорей добраться до дома, спрятаться от звонков, знакомых и вывести формулу патологического невезения.

Когда ноги собрались отправиться в самостоятельное путешествие по остывающему от зноя асфальту, рядом с ними, одетыми в босоножки с маленькими золочёными пряжками, затормозили колёса.

– Оксана? – водитель наклонился в сторону молодой особы, недоверчиво её разглядывая.

– Илья Ильич, – упавшим голосом констатировала театралка, отметив, что формулу неудачи придётся выводить немедленно.

– Я так понимаю, тебе домой? – Илья Ильич огляделся в поисках Оксаниного провожатого, а, не углядев того, живо выбрался из машины, любезно открывая перед знакомой дверь.

– Благодарю, но я жду своего друга.

Мужчина не поверил. Ему это было положено по должности. Он жадно рассматривал девушку, отмечая перемену во внешности, но вместо того, чтобы промолчать, как это сделал бы воспитанный человек, произнёс.

– Как вы изменились, Оксаночка. Подумать только. В лучшую сторону.

Чем занимается Илья Ильич никто не знал. Говорили разное: и что он ответственен за все дороги города, и что в его подчинении строительство главного объекта, а ещё, что его видели входящим в здание № 3 по Никольскому переулку в день, когда то было закрыто.

Человек с пухлыми короткими пальцами продолжал разглядывать Оксану, будучи абсолютно уверенным в том, что ждать её согласия осталось совсем недолго. Сущий пустяк – минуты две.

Но на удивление и на азарт маленького господина, девушка в очередной раз подняв руку, нашла понимание у одного из подъехавших таксистов.

Провожал Оксану взглядом не только Илья Ильич.

Выбежавший из дверей театра Вадим не увидел севшую в машину избранницу, но, на радость, ту узрел Ян. По какому – то невероятному стечению обстоятельств все четыре колеса Славиковой “Вольвы” оказались проткнутыми. Пришлось бежать на чёрную полосу с белой рваной разметкой.

– Я смотрю, – поддерживал мальчик. – Я запомнил номер. – Он ещё выговаривал слово, а Ёж уже остановил первый попавшийся ему автомобиль.

– Садись, – громыхнул Яну Вадим, – пропуская того вперёд. – Которая?

– Вон та, жёлтая. С кривой рекламой, – отозвался малыш.

Сперва водитель подсаживать никого не хотел. Он и притормозил лишь потому, что не желал неприятностей в виде покалеченного человека.

“Видно, всё же стукнул бампером”, – подумалось ему, наблюдающему, как почти попавший под колёса мужчина, открыл заднюю дверь и, сказав себе, “садись”, захлопнул её, примостившись на переднем сидении.

– Вадим, меня не видят и не слышат – сразу предупредил мальчик Ян, внимательно следя за реакцией водителя.

– Нам нужна эта машина? – спросил Ёж, опустив сказанное. Он протянул руку так, что указательный палец упёрся в лобовое стекло.

– Да, – кивнул ребёнок, всматриваясь в темноту. – Она.

– Вам лучше знать, – отозвался человек за рулём, справедливо считая, что при наличии в салоне двух людей, один из них непременно говорит с другим.

Машина летела по Свердловла, мимо малого сада, больницы железнодорожников, и, свернув на Октябрьскую у обувного, пошла в сторону кольцевой дороги.

– Ну, давай, Ян, рассказывай. Всё подробно, не упуская ни единой детали. Это в твоих же интересах, – сурово проговорил Вадим, глядя на малыша в боковое стекло.

Водитель поднял брови, отчего на лоб легли три глубокие складки, повёл глазами по сторонам, потёр отрастающую на подбородке щетину и, покашляв, приступил.

– Слева от нас церковь Благовещенья или Белая, как её ещё называют. Основана, кажется, в восемнадцатом веке, ныне действующая. Дальше по трассе супермаркет – один из самых больших в городе, неплохой, – пояснил водитель. – Справа – бассейн, относится к “Динамо”, напротив – стадион, парк ветеранов, потом...

– Ты чего, мужик? – Ёж словно впервые увидел сидящего рядом. – Гид что – ли?

– Так ведь сам просил, – заикаясь пустился оправдываться тот.

– Кого я просил? – оборвал Вадим.

– Меня, – в тон возмутился водитель. – “Ну, давай, Ян, рассказывай. Подробно. В твоих интересах...” Ну, я и рассказываю, что знаю. Кто – то первый раз в нашем городе.

– Так ты Ян, что ли? – Голос Вадима стал опустошённым и на удивление спокойным.

– Ну да, – ответил “рулевой” вовсе не понимая, чем огорчил клиента и, для верности, потянулся за документами.

– А мой – то где? – задумчиво произнёс Ёж, вглядываясь в опустевшее заднее сиденье.

Автомобиль тоскливо блуждал по городу. Тишина овладела ночными улицами. Претендуя на царство вплоть до наступления следующего дня, она стала обволакивающей, кисельной, как сказал бы человек с обострённым воображением.

Вадим стал чаще посматривать в сторону водителя.

Машину, увезшую Оксану, они потеряли, мальчик исчез. Глава “Проекта”, конечно, не стал объяснять, кого он в действительности хочет разыскать.

– Я хомяка Яном назвал, – проговорил Вадим, блуждая взглядом по резиновым коврикам. На них было полно мелочи: пустых пластиковых пакетов, использованных телефонных карт, замусоленной карты города, и ещё невесть чего, не обязательного для посторонних глаз.

– А, – понял, наконец, автолюбитель, не придавая значения не состыковкам. – Хомяк. Так Вы его туда положили?

– Он сам сел, – не задумываясь о реакции собеседника ответил Ёж.

Почва для беседы была подготовлена и, видимо, хорошо изучена автомобилистом, так как он оживлённо принялся за обсуждение особенностей грызунов.

– Мороки с ними много, плодятся, черти, – подвёл итог отзывчивый господин и под конец успокоил. – Хомяк, конечно, не кошка, дорогу домой не найдёт, да ещё в темноте, в три ночи,

но отчаиваться не стоит. Можно завести, например, собаку. Так что, если та в следующий раз сядет на заднее сиденье, сразу будет видно – решила сойти. А хомяк – он маленький.

– Окна были приспущены? – перебил сочувствия Вадим.

– Думаете, подтянулся и айда на свободу? Это вряд ли, – засомневался водитель. Он для приличия помолчал, заодно обратившись к памяти, но та ничего нового не подсказала.

– Я просто спросил, были или нет открыты окна? – как можно мягче поинтересовался недавний зритель.

Как правило, незатейливая простота убеждает людей скорей, нежели витиеватая напыщенность. Поэтому, взглянув в лицо клиенту, шофёр на сей раз был краток, произнеся одно: “были “.

Назвав адрес, Вадим замолчал. Хотелось выпить и заснуть.

Поднявшись к себе, он всё же нашёл силы дозвониться до Славика и, только предупредив того о проблемах с машиной, дал отбой. Иногда блуждание по квартире помогало. Но не в этот раз.

Наверное, вид владельца сотен метров жилой площади убедил консьержа не интересоваться впечатлениями нынешнего вечера. Кивнув Вадиму, он счёл за благо занять прежнее место.

Квартира была хорошей, двухэтажной, да и расположением вполне устраивала. Глава “Проекта“ поглядел по сторонам. “Сюда бы Оксану. Вот было бы...”, – отметил уставший, вымученный рассудок, и тут же услышал.

– Ну, как, догнал? – послышалось из угла, куда Ёж недавно переставил аквариум. – Вы должны извинить нас, Вадим, – начала Анита, выйдя из тени. – Ян всё рассказал.

– И как оставил меня одного?

Вадим, помня утреннее недомогание от увиденного в образе солнца Яна, принялся искать защитные очки.

– Во – первых, Вы были не один. А во – вторых, – подчеркнул мальчик, – я сделал это специально.

– Да неужели? – хлопнул себя по колену Ёж.

– Потеряв Оксану из виду, мне ничего не оставалось, – оправдывался меж тем Ян. – Вы бы стали сердиться, не известно, что бы наговорили тому человеку за рулём. А вот про хомяка хорошо придумали, – похвалил малыш, в глазах которого словно по паутинке бегали электрические разряды.

Вадим даже не знал, считать ли это хамством. С одной стороны – на коврике перед ним стоял ребёнок, с другой – он сам признался – всего лишь удобная оболочка.

– Сейчас, Вадим, Ваши мысли не настроены позитивно.

– Да ну, – отметил Ёж, злясь всё больше.

– Ведь Вы встретили девушку своей мечты? Значит, стали счастливы.

– Что? – прошипел Ёж. – Если я правильно понял, – принялся он выговаривать членораздельно, – ваша работа окончена? Я – счастлив? Почему же я так не считаю? Не чувствую счастья? А?! – закричал он на все свои квадратные метры.

– Ян, перестань, – строго произнесла радужная девушка, от взгляда которой шкодливым мальчишка отступил к краю. – Вадим, Вы абсолютно правы. Вы – несчастливы.

– Как приятно слышать от других то, что только что озвучил сам, – зло усмехнулся человек.

– Подождите, – остановила Анита, – и не перебивайте. Произошло непредвиденное, чего раньше никогда не случалось. Мы с Яном, – она посмотрела в сторону притихшего ребёнка, – всегда помогали дедушке. Действительно, по мере сил. И поверьте, делали людей счастливыми. Но, неожиданно для нас, он уснул.

– Что, значит, уснул? – не понял Ёж.

– Он очень уставал в последнее время..., – продолжила девушка, опуская ресницы.

– Умер Везун?

– Да Вы что?! – замахала она руками. – Типун на язык, – Анита приложила ладонь к груди, немного помолчала и закончила. – В общем, то, чем раньше занимался он – теперь вынуждены делать мы.

– Ха, – выдохнул Вадим. – Ясно. Вот так, с юмором, Везун подходит к своему делу. Спасибо, благодетели.

Будь у Ежа хорошее настроение, он, наверняка, бы рассмеялся. А теперь мужчина сидел в кресле и отрешённо смотрел в чёрный проём арки. До конца прочувствовать создавшееся положение помогла соседская собака. Та вдруг протяжно завyla и выпрыгнула из окна. Этаж был первый, с ней ничего не случилось. Спустя минуту, она уже не могла понять, что её подвигло на столь отчаянный поступок и, списав всё на временное недомогание, попыталась забраться обратно тем же путём.

– Не всё потеряно, – успокаивала радужная девушка, уверенно глядя анютиковыми глазами. – Мы что-нибудь придумаем.

– Постарайтесь, – не очень активно поддержал глава “Проекта”, поднимаясь с кресла. – Для начала, разбудите дедушку.

– Пытались. Пока безрезультатно. – Во взоре Аниты ещё сохранялся огонёк тревоги, но голос уже приобрёл нотки хорошего организатора. – Вадим, я официально подтверждаю, что Ваше направление остаётся приоритетным.

– У нас ведь получилось устроить встречу с Оксаной, – привёл довод прощённый Ян. – Можете не сомневаться, что и дальше всё будет так же.

– Так же, – повторил интонацию Ёж, – не надо. Я ещё помню, чем закончилась встреча. Кстати, – взглянул он на мальчика, – что произошло в опере?

– На сцене? – переспросил Ян.

– На какой сцене, – огрызнулся человек. – Я её не видел.

– У нас с Анитой не хватило сил.

– А что же остальные, – Вадим не знал, как выразиться, – остальные шары? Или это конкуренты? – Губы сомкнулись в ироничную полоску.

– У нас нет конкурентов, – ответил Ян, разглядывая рыбок в аквариуме. Те, похоже, тоже занимались подобным, потому что столпились у стекла, пробуя ртами схватить приставленный с другой стороны палец, и заглядывались на большущий овал незнакомого лица. – И какие у нас могут быть конкуренты? Сами подумайте.

– А шары в люстре?

Ян оторвался от спокойного созерцания толщи воды со всеми аквариумными гротами и башнями.

– Не знаю, что вы там с Оксаной увидели, – безапелляционно протянул малец, – но это явно по-людски... – Поняв, что Вадима подобное объяснение не удовлетворило, Ян попробовал разъяснить. – Человеку свойственно верить чудесам. Покажи ему что-нибудь эдакое, необычное, – притворно таинственно прошептал малыш, – он готов искать его везде.

Анита, видя реакцию Вадима, взяла инициативу в свои руки.

– Нам необходимо быть партнёрами, сотрудниками. Тогда есть вероятность, что история закончится благополучно.

– Я даже не спрашиваю о другой возможности, – отпустил Ёж. – Надеюсь, обойдёмся без прецедента.

– И мы на это рассчитываем, – согласилась Анита, меряя шагами комнату. – Первый пункт плана. Встреча с Оксаной. Здесь есть свои нюансы, – продолжала девушка, чьим предназначением считалось несение людям радости. – Сперва найдём её и объясним недоразумение.

– Я сам разберусь, без вашей помощи, – заявил Вадим, в волнении прохаживаясь из угла в угол.

– Не получится, – спокойно вставил Ян.

– Почему не получится? Всё время получалось, а тут нет? Я всё сделаю сам. Без обсуждений.

– Не спешите, – аккуратно заметила Анита. – Вопрос в другом. – Она помолчала и постаралась объяснить. – Вы не увидите друг друга даже в том случае, если будете держаться за руки – Анютиковые глаза вспорхнули ресницами.

– А у Вас, – добавил мальш, – нет ни тувельки, ни шарфика, ни ещё чего-нибудь, что способна опознать девушка. Так что надеяться на Золушкин шаблон нам не приходится.

– Он прав, – подвела итог Анита. – Позвольте нам заняться этим деликатным вопросом, – и поскольку Вадим молчал, закончила. – Чтобы счастье стало полным, – рассчитывать на дедушку можно, но всё же не стоит, – необходимо время. А мы не в состоянии гарантировать безопасность города. Я, конечно, не думаю, что произойдёт нечто катастрофическое и необратимое, но... судя по сегодняшнему случаю, нам с Яном предстоит переоценка своих возможностей. В общем, – без обычного лазурного оптимизма закончила Анита, – мы будем стараться, но побочного эффекта избежать вряд ли удастся.

Ёж взглянул на девушку и как – то внутренне напрягся.

– Хотелось бы знать поподробней, – осторожно высказал он свои пожелания. – Спрогнозировать...

– Спрогнозировать не получится, – Ян заскочил на диван, принимаясь подпрыгивать на мягких пружинах. – Придётся действовать по обстоятельствам.

– Лично меня перемены коснутся? – Вадим вспомнил все предыдущие, желая знать о новых, если таковые намечались быть.

– Пока не знаем, – смутилась Анита. Однако, сказав самое сложное, она будто обрела крылья, и теперь намеревалась заняться осуществлением задуманного. – Разве что в происходящее будут вовлечены другие люди.

Вадим взглянул на часы. Длинная стрелка не единожды сделала круг, подтянув короткую к четырём утра.

– Ну, город у нас крепкий и люди стойкие, – проговорил он. – Я за китайцев боюсь. – И представив различные неожиданные ситуации, на которые было готово воспалённое воображение, Ёж тряхнул головой. – А какой был бы контракт.

– Китайцы? А когда они должны приехать? – оживился Ян. Судя по внешнему виду, мальчик ничуть не устал, впрочем, как и Анита.

– Сегодня что? – потерялся в днях глава “Проекта”.

– Среда, – напомнила девушка.

– А они будут в пятницу. Перелёт там, отдых. Переговоры утром, в понедельник. В десять, – говорил, заплетаясь, Вадим. От бессилья он валился с ног.

– Хорошо, – кому – то в потолок сказал Ян. – Поможем.

– Как? – без эмоционально протянул Вадим, потирая воспалённые веки. Чтобы почувствовать себя хоть чуточку свежим, он подошёл к широкому окну и, распахнув его, выглянул наружу.

Город спал. На востоке жемчугом рождалась заря. Её отсвет ложился на небо нежно – розовым веером, расходящимся всё дальше плавно и настойчиво. День должен был стать хорошим. Сияние утренней планеты, застывшей над горизонтом, дарило неприменную надежду на лучшее.

– Мы всё равно поможем, – повторил Ян, подходя к подоконнику и, пытаясь на него залезть.

– Как со счетами и “Хаммером”? – обречено вспомнил Ёж. – Разберусь. Контрактом больше, контрактом меньше.

– Вы нас недооцениваете, Вадим, – вступилась Анита, беря малыша за руку. – Ложитесь и поспите.

– Утро вечера мудренее? – губы сложились в ухмылку.

– Что – то вроде этого.

Вадим не помнил, как разделся, как оказался в постели и как провалился в сон.

“Хорошо бы, чтоб я при этом был один”, – пронеслось в голове.

В стиле жанра, главному герою должно было что-то сниться. Но нет. Никакие сновидения не посетили. Голова, коснувшись подушки, не поднималась до утра.

Глава 10

Странное дело – слежка

в которой возникает частный детектив Марсин

Утро занялось. Две полосы солнечного света упали на паркет, едва Елена распахнула шторы. Щебетали птицы. Вокруг липы, благоухающей неповторимым ароматом, роились пчёлы, садясь на распусившиеся цветы.

Этим утром Леночка обрадовалась даже прилёту смелой сороки, что заглядывая на балкон через открытые створки, выискивала очередную игрушку.

– Что, Маруся? Прилетела?

Симпатичное создание, вовсе не выглядела испуганной. Переступая лапами левой, правой, левой, она, поглядев на хозяйку вместительного гнезда бусиной – глазом, повела хвостом и, выхватив из плетёной корзины приглянувшуюся блестяшку, спокойно запрыгнула на раму.

Проследив за полетом утренней гостьи, Леночка отправилась на кухню. Заварив чай, она взглянула на часы. После вчерашнего уязвлённое самолюбие не хотело мириться с тем, что уготовила судьба.

План дальнейших действий оформился. В своем начале он предполагал визит отнюдь не часто посещаемого места. Затем следовало вернуться на работу.

Рука потянулась к телефонной трубке.

“Интересно, каким должен быть голос? – подумала девушка, тут же дофантазировав. – Уверенный. Тембр соответствует сорока – сорока пяти годам. Приятный, учтивый. Без излишних эмоциональных всполохов и призывных каламбуров”.

Елена не ошиблась. Приехав по указанному адресу, она сразу встретила с заочным знакомым.

Офис, как офис. Ничего лишнего. У подъезда девятка”. В её деле большие скорости не требовались, а вот неприметность была очень даже не руку.

– Утром Вы разговаривали со мной, – заметила Леночка, располагаясь напротив.

Первое впечатление оказалось благожелательным. Комната казалась светлой, просторной, располагающей к приватным беседам. Кресла – не сильно мягкими, но и не “деревянными”, с которых поскорей хочется встать. Толстый, пузатый шкаф хранил многочисленные папки, включающие все дела, когда – либо ведомые хозяином кабинета.

– Вы работаете один? – карие глаза из – за искусственного света ставшие чёрными, устремились на гладковыбритый подбородок.

– Я всегда работаю один, – по военному отозвался мужчина. – Весь – внимание.

Неровный шрифт объявления выдавал в суровом собеседнике творческую натуру, скрывающуюся за маской деловитости и показной нехватки времени.

– Приятно видеть профессионала, – проворковала девушка, доставая из сумочки футляр с плёнкой и маленький листок писчей бумаги. Первый она поставила на стол, второй попридержала. – Это, как я полагаю, лицензия? – голова качнулась в сторону деревянной рамки, единственного украшения восточной стены.

– Она самая, – спокойно произнёс человек, ожидая перехода к делу.

На вид ему было сорок, сорок три года. Чуть выше среднего роста, плотный, с большими, выразительными глазами и сильными жилистыми руками.

Леночка осталась довольной.

– Я, кажется, не представился, – прервал рассматривание хозяин кабинета. – Марсин Игорь Леонидович.

– Поиск, охрана, сопровождение, – добавила посетительница, сославшись на лежащую тут же газету объявлений. – А у меня ни то, ни другое, ни третье.

Мужчина отреагировал по – своему.

– Я за мужьями не слежу. – На этот раз голос его сопровождался лёгкой насмешкой, а губы, не привыкшие улыбаться, напомнили ломаную линию.

– День хороший, – заговорила о другом Елена. – Солнышко греет, муравьишки бегают, – она поднялась с предложенного кресла и, подойдя к узкому прямоугольнику окна, подняла жалюзи. Тут же в помещение хлынул поток живого тёплого света. Надобность в искусственном отпала. Луч скользнул с подоконника на пол и протянулся к дивану. Мягкий и ласковый, он несколько сглаживал витающую в кабинете атмосферу спартанства. – Мне не интересны драмы, тем более, если они чужие, – развернулась Леночка к сидящему человеку, выставившему вперёд свою квадратную челюсть с глубокой, непропорциональной ямкой. – Мне нужна информация о женщине на этой плёнке. Вся. Связи, хобби, передвижения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.